

Путешествие без багажа – думаю, это то, что должно периодически случаться с каждым человеком. Это когда едешь в никуда – без брони, трансферов и с чисто приблизительным планом действий. Разве что взять с собой карту – ну или глобус... А там – посмотрим. Главное, что-

бы ботинки раньше времени не развалились. Нет ничего лучше, чтобы мигом с тебя слетела вся ненужная шелуха – с глаз, ума и души. Не знаю почему, но особенно много этого всегоросло именно в 2020 ковидный год.

– Тува? – спросила мама. – А какой план?

– Ну, сперва туда. Побывать там. А потом – обратно.

– Очень конкретно, – сказала мама. – А кто у тебя там?

– Никого.

– Предусмотрительно, – съязвила мама и добавила: – Знаешь, если ты там подхватишь эту дрянь и тебя свезут в местную больничку с тараканами, я за тобой не поеду. Так и будешь там валяться. Ты у нас не Навальный.

Если вам срочно нужно осознать все ничтожество и бренность собственного «я» – то это к моей маме, если что – обращайтесь. Просветлитесь в полминуты.

На работе я предупредила, что с неделю со мной может не быть связи – потому что в тех местах с этим проблемы. Они долго удивлялись и все спрашивали: «Как так – неужели и вправду есть в мире такие места, где не ловит мобильная связь?» Что с них возьмешь – все москвичи, в крайнем случае, «замкадыши». Я ответила, что да, есть – и даже много.

День первый

Тува как-то странно действует на мозг: люди, которые толпой ломались на посадку в Домодедово, здесь вдруг включили резкое торможение. Я никогда не видела, чтобы от трапа до здания аэропорта люди шли таким вот задумчиво-расслабленным шагом, – наверное, чуть тронутые солнцем далекие горы на горизонте и прозрачность воздуха так действовали.

На выходе из здания аэропорта, с правой стороны, в палисаднике, засаженном пыльными бархатцами, сто-

ял бюстовый памятник. Как гласила надпись, первому летчику республики. То ли дело было в бархатцах, то ли в обнесенном высоким бортиком палисаднике, но памятник почему-то рождал мысль о том, что выдающийся местный уроженец был похоронен прямо здесь.

Поскольку я точно решила провести первый день в Кызыле, потому что бог знает, как сложится все дальше, и, может быть, больше я сюда и не попаду, я кинула рюкзак в одном из отелей – «Монгулеке». Пустее гостиницы я не видела за всю жизнь. Город был полон закрытых магазинов – видимо, последствия коронавирусного кризиса. Не успела я умыться, как позвонил дедушка-сэнсэй, а вскоре и явился сам.

– О, ты уже тут, как хорошо! – И с крейсерской скоростью повлек меня по городу.

Дорогой дедушка думал вслух, куда бы нам лучше податься, чтобы «попросить силы» для человека вроде меня. Проходя по какой-то улочке, сэнсэй вдруг воскликнул:

– О! Хочешь, я покажу тебе тут одного старого шамана? Он тут рядом живет, я его хорошо знаю.

– Сэнсэй, девять утра на дворе, – напомнила я, – вы уверены, что он... э-э-э-э... ну, в общем, будет рад нас видеть?

– Пойдем-пойдем! – Видно было, что эта мысль уже захватила сэнсэя. – Ты таких старых уже не увидишь!

Я тактично промолчала о том, что сэнсэй уже тоже не очень мальчик.

Может, вас удивит, что, будучи на тувинской земле, я не называю его, как и положено здесь, «башкы» – «учитель», но автору этих строк, прожившему долгое время в Японии, «сэнсэй» как-то привычнее. Я до сих пор при знакомстве имею привычку кланяться и опасаясь, что она меня уже не покинет. О том, как мы вообще с сэнсэем встретились, тоже тут писать не стану. Сэнсэй не

приходит тогда, когда ты хочешь, чтобы он пришел, но он всегда приходит вовремя – это знают и в Японии, и в Туве. Просто, когда время наступает, случается ряд совпадений, за который, я думаю, отвечают где-то там, и сэнсэй встречается со своим будущим кохаем. Опять-таки, простите меня еще раз за все эти японизмы.

Мы углубились в частный сектор. По пути сэнсэй рассказал мне, что вот тут надысь тот шаман заболел и уже было собрался помирать, но коллеги его отговорили.

– Сэнсэй, – тщетно воззвала я, – а вы уверены, что прямо сейчас надо идти туда? Девять утра, пожилой, не слишком здоровый человек... что, если он рассердится?

– Ничего ему не сделается. – И сэнсэй уверенно вел меня дальше какими-то пыльными тропками в самое сердце темных избушек. – Ну рассердится, что с того? – И сэнсэй рассказал, что у того дедушки нету мобильного и позвонить предупредить не выйдет, потому что стоит ему взять в руки любой мобильник, как тот ломается, причем безвозвратно.

– А если стационарный телефон поставить? То же самое будет? – задумчиво спросила я.

– Какие тут стационарные телефоны! Ты, если что, не давай ему телефон в руки, покажи из своих. А то без телефона останешься.

Я всерьез задумалась, что если означенный дедушка такое делает с телефонами, то что может сделать с нами, разбуди мы его в неподходящее время... К тому же у шаманов ведь ненормированный рабочий день, и кто знает, может, он вообще только спать лег.

Между тем показались ворота, перед которыми на очень занятных столбиках была натянута веревка с голубыми ленточками, так что сразу было видно, кто тут живет. Жаль, я не догадалась сфотографировать эту «гирлянду».

Протащив меня через двор, сэнсэй застучал в дощатую дверь. На зов выглянул паренек и сообщил, что старый шаман давно уехал куда-то на поминки.

– Ага, а куда? – принялся расспрашивать сэнсэй. Он заявил, что это будет для меня очень познавательно – посмотреть, как работает шаман на поминках. Однако же выяснилось, что это далековато, к тому же, подумав, сэнсэй решил, что для меня начать с поминок – это плохая тема.

– Ладно, раз так, пойдем, я покажу тебе, где он работает. – И сэнсэй повел меня через огород к одноэтажной кирпичной постройке, стоящей на отшибе.

– Сэнсэй... а может... ну, может, нам подождать, когда он придет, а?

– Зачем? – пожал плечами сэнсэй. – Я знаю, где ключи лежат. Это очень интересно. Ты же хотела в музей? Там как музей!

«Замечательное место, – подумалось мне, – можно держать ключи засунутыми под крыльцо».

Я высказала это вслух, но сэнсэй только посмеялся:

– Да тут тащат все, что плохо лежит! Просто к нему-то точно никто не полезет.

Изнутри пристройка являла собою смесь районной амбулатории с избушкой Бабушки-яги. Застеленная синей клеенкой кушетка соседствовала с целым шаманским «иконостасом» на стенах. Все вещи выглядели так, точно им и впрямь было не меньше сотни лет. Рука сама потянулась за телефоном, но тут я задумалась: все-таки айфончик хоть и неновый, но его жалко. А за снимки в отсутствие хозяина мало ли что может прилететь. Так что осталось только ходить вдоль стен, открыв рот. Сэнсэй принялся объяснять, для чего нужно то или это. Не помню, чтобы мне довелось прослушать более увлекательную экскурсию. Но в разгар нее обитая ватином дверь

распахнулась, и на пороге возник старый шаман собственной персоной.

Старый шаман оказался небольшого росточка сухоньким дедушкой с палочкой. Однако взгляд силой в двести лошадиных сил говорил о том, что не простой совсем это дедушка. Старый шаман зажег веточку можжевельника в металлической плошке. Мне жестом было указано на медицинскую кушетку, а сэнсэй уселся на стул для посетителей. Старый шаман одобрительно заметил, что ему по душе такие сознательные граждане, – вот же, в масках пришли, так что не надо делать замечаний и просить, чтобы надели. Я ответила, что мы в Москве научены. Старый шаман рассказал, что он, строго следуя закону о самоизоляции, начал прием только недавно. А еще его заинтересовал мой бейджик-антивирус. И оба сэнсэя принялись расспрашивать у меня, каков его принцип действия.

Потом приятели-сэнсэи повели по-тувински разговор о Том и о Сем. Я сидела, с интересом продолжая разглядывать шаманские атрибуты, какие были в комнате, – про какие-то я слышала или читала, но назначение многих было непонятно. Но спрашивать было как-то неудобно. Изредка старый шаман бросал на меня строгие взгляды поверх маски, от которых мне было не слишком уютно, и все больше и больше приходила в голову мысль, что тут все наоборот: это не мне показывают старого мастера, а ему – меня. Наконец, видимо, они обсудили все новости, и тут старый шаман вдруг категорически заявил мне:

– Одежду делать надо.

Я не сразу поняла, что речь идет о шаманском костюме. Вроде одетая ведь пришла.

– Сэнсэй, – робко начала я, – а может, не надо пока? Куда мне, я что умею-то?..

Эти возражения явно пришлись старому шаману не по нраву, и он еще строже спросил:

– Ты когда в школу шла в первый раз, у тебя была ручка, тетрадка, чтобы писать, книга, чтоб буквы знать?..

– Ну да, – покорно покивала я, – было все.

– Вот поэтому надо, – назидательно пояснил дедушка.

На улице сэнсэй заявил, что план действий у него уже есть: нужно три обряда в трех местах, чтобы там силы просить. Иначе гадание на камешках, которое я так хотела освоить, да и все прочее не имеет никакого смысла.

– Сэнсэй, а что, если не дадут? – засомневалась я.

– Как не дадут?! – рассердился сэнсэй. – Как это так – не дадут?! Шаману так не годится – еще не начал, а уже думать, что не дадут! Шаманы так не делают!

Ну а пока мы отправились смотреть священное место – Бобровые источники на берегу Енисея. Сами источники очень ухожены, как рассказал сэнсэй, сюда часто приезжают молодожены. Вода течет из скалы ледяная, прозрачная. Я уже забыла, что такая бывает, – вода без какого-либо запаха и привкуса, вкусная, живая. Сложно объяснить, как вода может быть вкусной, но она такой и была. Люди кидают в воду монетки. Чуть подальше от берега, в степи, – буддийская ступа и ворота с каменными стражниками-львами, которым я обрадовалась как родным – очень они мне напомнили мою жизнь в любимой Японии. И еще потому, что каменный лев-охранник часто снится мне.

Рядом были шаманские святыни – оваа и столбики с ленточками, а еще каменные изваяния, немного похожие на те, что стоят в степях, овеваемые ветрами, но только сэнсэй сказал, что эти – новодел. Все же это было замечательно, что здесь все это мирно соседствует. Сэнсэй на это заметил, что тут так, – вот у него родная сестра буддистка, например. На источниках я впервые посмотрела, как сэнсэй кидает камешки – хуваанок. Кто-то позвонил из его деревни – выяснилось, что пропало не-

маленькое стадо в сорок коров. Подозревают, что увели, и в село уже выехала полиция. Помощь требовалась срочно, и, поставив телефон на громкую связь и достав мешочек с камешками, сэнсэй наскоро бросил их прямо на капоте машины. Я слышала, что для этого требуется специальная ткань и камешки кидают только на нее. Но, видно, сейчас было не до этого. И первый урок, который я вынесла, был, таким образом, следующий: шаманы люди практические, и если срочно нужно помочь, то можно поступиться какими-то предписаниями. Ведь шаманизм – не духовное учение, а вполне себе практическое занятие, набор методов и средств для достижения сугубо конкретных целей.

Водя пальцем по нагретому солнцем капоту, сэнсэй что-то говорил в телефон. Дав отбой, он пояснил:

– Никуда они не делись, найдут. Никто не крал. Небось проспали, лоботрясы.

И, забегаая вперед, должна сказать, что так оно и было, и уже при мне к сэнсэю приходили хозяева этих самых сбежавших коров – поблагодарить.

После сэнсэй вернул меня в «Монгулек», распрощался и посоветовал отдохнуть – дел завтра будет много. Он обещал заехать за мной часов в одиннадцать утра – до этого ему нужно будет здесь же, в городе, провести поминальный обряд – аналог наших сороковин, как я поняла.

Решив, что в город я вполне снова могу попасть лишь в день отъезда, я отправилась осмотреть центр. В планах было посетить местный музей, посмотреть там знаменитое золото скифов и шаманский зал, но сделать это хотелось не спеша, основательно и на свежую голову. Необходимо было также купить мегафоновою местную симку, так как сэнсэй предупредил, что в тех местах, где мы будем, лучше всего ловит именно «Мегафон», а то и

вообще есть такие «края географии», что там вообще никакой связи нету.

Погода была на диво. Комплекс «Центр Азии» был ухожен, к тому же я с удивлением обнаружила, что видела выставку работ этого скульптора у нас в подмосковной «Истре», в музее Новоиерусалимского монастыря. Освященный солнцем, уже тронутый желтизной гористый берег Енисея был прекрасен.

Посмотрев снаружи на музей политических репрессий, двориками я двинулась к центру города. Вероятно, в музейчике этом тоже могло быть что-то по истории местного шаманизма, потому что как раз шаманов-то репрессии сильно коснулись по понятным причинам. Вспомнила рассказ сэнься о том, как шаманила его бабушка – шаманка по прозвищу Красный Халат, – только втихую, занавесив все окна. Однако же как-то не хотелось мне сейчас, в такой прекрасный день бабьего лета, поднимать эту печальную тему.

«В другой раз как-нибудь», – решила я.

Дорогой я отметила воистину ужасающий жилой фонд и встречающиеся по дороге цитаты из благодетеля и местного уроженца С. Шойгу. Состояние дворов и детских площадок рождало депрессию. Искренне желаю всем тувинцам избавиться поскорее от нынешнего так называемого главы региона – как можно за пятнадцать лет не сделать вообще ничего для людей, это удивительно и достойно всяческого «восхищения».

В центре города меня охватила ностальгия – на местной пешеходной улице перекладывали брусчатку – ну точно как у нас в Москве. Как у нас шутят по поводу этого деньгоотмывания: «Пришло время менять брусчатку зимнюю на летнюю».

Помню, обилие парикмахерских и похоронных контор в городе N у Ильфа с Петровым наводило авторов на мысль о том, что местные жители рождаются на свет,

дабы постричься, побриться и умереть. В Кызыле создавалось ощущение, что его жители приходят в этот мир, чтобы взять микрокредит и потом бегать от коллекторов, ибо большинство объявлений были предложениями «быстрых денег», а оставшиеся обещали в кратчайшие сроки выбить долги из нерадивых должников.

В магазине я с дотошностью оглядела молочку и выяснила, что все привозное, – местного там не было вообще ничего. Даже хлеба. Немолодая продавщица рассказала, что раньше был и молокозавод, и хлебозавод, но теперь собственного производства не осталось. Вообще кызылчане – люди отзывчивые. Забегая вперед, скажу, что они не бросят на дороге одинокого путника – подвезут, и дадут ночлег, и накормят-обогреют, если ночь застала в пути. И не бывает так, чтобы при виде «умершей» в степи машины и водителя, озадаченно копающегося в моторе, проезжающие бы не остановились и не спросили, не надо ли помочь... За что им только такой прожженный коррупционер достался в качестве главы, непонятно.

Местный сувенирный магазин меня не порадовал разнообразием – хотелось работ местных мастеров, но выбор именно тувинских ремесленных изделий был воистину ничтожен. С горя купив кедровых орехов на базаре и обзаведясь симкой, я тронулась назад в «Монгулек» – тем более что уже начало смеркаться и следовало перевести дух, потому что планы у сэнсэя были воистину наполеоновские, а энергия была ключом.

Уже во тьме я проходила мимо памятника Ленину напротив местного театра. Владимир Ильич точно говорил свое знаменитое «Верной дорогой идете, товарищи», сопровождая сентенцию знакомым жестом.

– Я пытаюсь, – вздохнула я и устало побрела в гостиницу. Тем и закончился мой первый день на тувинской земле.

День второй

Утром позвонил сэнсэй и сказал, что застрял на поминках. Я, не теряя времени, решила, что нужно обязательно сходить в музей. Радуюсь тому, что все нужное человеку можно уместить в рюкзаке, я отправилась в центр города.

Надо сказать, позавтракать в Кызыле путешественнику почти невозможно – по утрам большинство кафе закрыты. А веган рискует умереть здесь голодной смертью. Каким-то чудом я обнаружила два открытых кафе. В первом мне предложили только пельмени.

– А нету каши? Ну хоть омлета, что ли? – Завтракать пельменями было как-то странновато.

Во втором кафе были тоже только пельмени и еще плов.

– С чем? – осведомилась я.

– В смысле «с чем»? – не поняли меня. И даже немного обиделись.

– Ну, с курицей или с мясом?

В кафе подвисли – очевидно, то, что плов может быть не с мясом, стало для них полным крушением картины мира. Мне все стало ясно.

– Ладно... – вздохнула я. – Давайте, что ли, плов. Не пельмени же есть с утра.

На первом этаже музея была выставка тувинских серебряных дел мастеров – и даже если бы больше ничего мне не привелось тут увидеть, игра все равно стоила бы свеч. Магазины при музее сувенирами опять не порадовали. Я хотела купить пару книг прославленного писателя, этнографа и собирателя различных древностей Кенин-Лопсана, которому музей премного обязан, но там не продавалось ни одной, что было досадно.

Как раз началась экскурсия по золоту скифов – попасть в бронированный зал с двумя сейфовыми дверями

можно только так. Я не очень люблю экскурсии, но что же делать. Телефоны нужно было оставить при входе в специальном шкафу.

Об этом золоте написано очень много, так что писать сызнова смысла нету. Но что одна золотая шпилька скифской царицы стоит целого Лувра – это точно. Экскурсовод поведал, что все дошло до нас только благодаря тому, что скифы сделали в погребальном кургане несколько ложных камер и грабители могил, которые, конечно, были всегда и везде, остались с носом.

В любой экскурсии найдется какой-нибудь остроумец. Вот и тут нашелся – узнав, что штаны вождя из погребения были расшиты все сплошь золотым бисером, он заявил: «Мне бы такие», на что я заметила, что на его месте я бы ему не завидовала. И действительно, выяснилось, что скифский царь умер в 50 лет от онкологии с метастазами (впрочем, тогда это был почтенный возраст), а царице на момент смерти только сравнялось 30, и она не была местной уроженкой. И смерть ее, скорее всего, была, что называется, добровольно-принудительной – как традиция самосожжения вдовы – сати – в Древней Индии. Скорее всего, вдове дали яд или она приняла его сама. Еще там была наложница – та еще моложе, – просто банально убитая ударом по голове. В общем, суровые были времена.

Но для ученых это открытие стало настоящим событием – ведь выяснилось, что скифы, жившие в VII веке до н. э., были не какие-то дикие кочевники, а умели делать такие удивительные вещи, включая даже технологию золотой зерни. Что вещи непривозные, подтвердил анализ золота – точно такое по составу добывают в Туве и сейчас. Уходя, я слышала, как один из мужиков – тот, что позавидовал скифскому царю, – говорит:

– Небось, если бы экспедиция была не совместно с немцами, тут все сперли бы...

А мне в голову пришло другое. Кто знает, что из того, что сегодня умеют делать люди, окажется утраченным лет через сто. И допустим, кулон из эпоксидки, который я сделала для подруги на именины, отрытый в каком-нибудь культурном слое спустя лет триста, будут величать «подвеской эпохи путинизма». Выкапывать его будут, аккуратно обметая специальными кисточками, ученые напишут об этом кучу статей и диссертаций, а нас будут именовать «мастерами древности», которые умели делать такие удивительные кулоны.

После золотого зала я не мешкая отправилась осмотреть зал шаманский. Вся его правая сторона была посвящена уже упомянутому этнографу и фольклористу Кенин-Лопсану. Все остальное в зальчике – это вещи, собранные им: амулеты, обереги, шаманские костюмы и прочее из того, чем и поныне пользуются шаманы всех земель и народов. Самый печальный экспонат там – это разрезанный бубен умершего шамана – по традиции бубен разрезают и оставляют рядом с местом последнего упокоения его хозяина.

«Ну что же, – подумалось мне, – течение времени не щадит никого, а с учетом того, что все равно все и всегда идет по кругу, не стоит думать о смерти как о конечном пункте маршрута на твоей карте».

Музейная реконструкция «воздушного» шаманского погребения почему-то заставила меня вспомнить слова поэта и драматурга Жана Кокто: «Не плачьте о поэте, а просто притворитесь, что плачете, потому что поэт просто притворяется мертвым».

Зал страшно интересный, единственный его минус – плохое освещение и то, что фотографии почти что не получаются, – то ли в силу этого, то ли потому, что шаманским духам не нравится, когда снимают вещи их хозяев...

Сэнсэй влетел в музей, точно вихрь, – на плече брезентовый чехол с бубном и прочим. Видно было, что эта задержка сильно досадила ему. По дороге он рассказал, что его позвали недавно куда-то на периферию – на похожий поминальный обряд, но сэнсэй вовремя узнал, что покойный тоже был шаманом, дожил аж до девяноста девяти лет и, судя по тому, что о нем говорили, то ли имел скверный характер, то ли занимался вещами, которыми шаманам заниматься не стоит. В общем, сэнсэй от предложения отказался: «А то мало ли что может быть». По дороге он наскоро заскочил к кому-то что-то забрать, и я вызвалась поддержать его скарб. Перехватив лямку брезентовой сумки, я прикинула ее вес, и понемногу до меня начало доходить, что жизнь шаманов не такая уж легкая.

В условленном месте нас встретила сэнсэева дочь на машине и отвезла в магазин тканей. Материал надлежало закинуть к местной швее, которая специализируется исключительно на шитье костюмов для местных шаманов.

– Вот, это годится. – Сэнсэй вытащил откуда-то снизу рулон плотной хлопковой ткани черного цвета.

Тут неожиданно во мне проснулась то ли «девочка-девочка», то ли бывший косплеер.

– Сэнсэй, а нельзя... ну... как бы что-то такое... более позитивное?

Дочь сэнсэя встала на мою сторону. Она заметила, что женщины все-таки должны же чем-то отличаться от мужчин, иначе небо создало бы всех одинаковыми.

– Что это за похоронное бюро?! – возмутилась она. – Что за «люди в черном»?!

Предложенную ткань темно-зеленого цвета она также отвергла:

– Она не на войну идти собирается.

– Да ведь немаркое надо! – возопил сэнсэй. – Она же работать в этом будет!

– Ну так что ж, постираю, – вставила я свои пять копеек.
Сэнсэй искренне развеселился:

– Ты еще в химчистку сдай!

– Что же, совсем нельзя стирать? – сокрушенно спросила я.

– Совсем.

– Папа, ты как хочешь, но это черное уныние нам ни к чему, – решительно вставила дочь сэнсэя.

Она наотрез отказалась слушать его возражения насчет того, что с шаманским «обвесом» черный костюм будет не так уж уныл. Сошлись на материале цвета «темный деним». С трудом оттащив меня от прилавка с китайским шелком, дочь сэнсэя отвезла нас к швее. Та наскоро сняла мерки и зачем-то спросила, в год какого животного по восточному календарю я родилась. На манекене висел совершенно роскошный готовый костюм песочного цвета с бахромой и аппликациями – ясно, что сделанный для женщины, – и умерший во мне косплеер снова ожил и искренне восхитился.

После мы отправились на уже знакомый мне базар, где нужно было купить всякого-разного для обряда: белую крупу, пучки можжевельника, баранину, топленое масло и еще кучу всего. Погрузив все в машину, мы наконец покинули город и отправились в сэнсэеву деревню. Когда вдали показались синие горы, свернули на грунтовку, по которой тряслись еще не один десяток километров, пока наконец не показалось село.

Перво-наперво сэнсэй затопил печку, потому что ночи были уже холодные, и поставил варить мясо – духам сырое предлагать нельзя. Он вдовел уже чуть не двадцать лет и привык со всем справляться сам.

– Вот как без жены, – заметил сэнсэй, – была бы, сейчас вот пришли бы – и тепло было бы, и еда...

– Что же опять не женились?

– Точно такой не будет, а другой не надо.

Пока мясо варилось, дочь сэнсэя показала мне дом и участок. Благословенное это было место: никогда я не видела такой огромной картошки, моркови и прочего – все урождалось здесь, кажется, безо всякого усилия со стороны человека – не сравнишь с нашими чахлыми подмосковными посадками – совсем другая земля. Разве что яблоки растут совсем крошечные. Между тем мясо сварилось, и сэнсэй разрезал его специальным ножом – больше он этим ножом ничего по кухне не делал – нож с красной рукояткой и в черном чехле был сугубо для обрядов. Выложив мясо остывать, мы сообща сделали из бульона отличный суп и весь его съели.

Я заметила, что с внутренней стороны входной двери – по обеим сторонам и строго по центру – висят какие-то интересные лоскутки, сплетенные ленточки и кости. Я опознала только беличью шкурку и баранью лопатку, все прочее было непонятно. Сэнсэй объяснил, что это и для чего нужно. Надо сказать, что в каждой комнате дома над косяком изнутри висел похожий «комплект». Сэнсэй распахнул шкаф, где держал все «для дела», и продолжил ликбез. Что, для чего, как именно используют, как хранят. После мы еще долго говорили о хувааноке – гадании на 41 камешке. Сэнсэй объяснил, что хотя есть, конечно, общие места, но каждый шаман кидает камешки по-своему. Сам сэнсэй, когда камешки отдыхали, держал их у себя под подушкой – как он сказал: «Потому что их надо уважать». Кто-то дает камешки в руки чужим, кто-то нет. Камешки сэнсэя, например, чужие руки не любили.

Мне постелили в комнате за печкой. Над кроватью висел на плечиках запасной сэнсэев костюм. Какое-то время я прислушивалась к деревенской тишине за окном – все же дачная совсем другая, краем глаза поглядывала на костюм, освещенный лунным светом, падающим из окошка. И одним махом отрубилась.

День третий

Назавтра меня разбудил запах можжевельного дыма и еще чего-то вкусного. Меня заела совесть – потому что выяснилось, что вставший по-деревенски рано сэнсэй уже не только протопил печку, но и испек вкусные лепешки. Большинство их, впрочем, предназначалось совсем не нам, а дедушкиным духам места, причем одна из них, стынувшая теперь на тарелке посреди стола, была непростой, а с прорезями, которые образовывали какое-то слово. Сэнсэй объяснил, что эти значки – енисейское письмо. Про это письмо я слышала только то, что когда-то такое и впрямь существовало на этих территориях, но в результате разорения земель ордами Чингисхана было утрачено.

Мы вплотную занялись лепешками с чаем (ух и вкусными они были!), и за завтраком разговор как-то плавно перешел от шаманизма к знаменитым завоевателям истории – сэнсэй в этом смысле придерживался близких мне взглядов. Он был категорически против возвеличивания подобных людей, ибо от завоевателей простому народу никогда покоя не было. Между прочим сэнсэй сообщил, что перед обрядом я смогу посмотреть, как он работает, – к нам прямо на его шаманскую делянку подъедут двое – женщина, у которой никак не ладится с поисками работы, и дедушка из села в семнадцати километрах отсюда – у него, как и у большинства дедушек, хватает всяких хворей, и он хочет полечиться.

Когда мы собрали, что было нужно, вид у нас был такой, точно мы приготовились бежать из страны. Никогда бы не подумала, что это требует столько всего – ну, конечно, если ты все делаешь правильно, «по науке». А сэнсэй, как я поняла, по-другому никогда не делал. По дороге мне были выданы последние инструкции – что я должна делать, а что не должна.

Шаманское место дедушки располагалось в километре от деревни: там было все что нужно – очажок из камней, оваа и огромная лиственница – двухсотлетняя, никак не меньше. Больше там не было чего-то примечательного, кроме дивного прозрачного воздуха, цепи синих гор вдаль и стрекота огромных местных кузнечиков – у нас таких нет...

Между тем один за другим прибыли страждущие. Старенький дедушка по-русски говорил плохо, а с женщиной мы разговорились. Сэнсэй между тем начал заниматься костром и подготовкой подношений для духов. Мне он до костра дотрагиваться пока запретил, так что моя роль свелась к подаванию ему нужных вещей, светской беседе с прибывшими и видеодокументированию сэнсэевой работы. Помню, речь шла о Лукашенко, беспорядках в Минске и ситуации со «второй волной». По этим трем пунктам у нас не нашлось сказать ничего хорошего или хоть сколь-нибудь позитивного.

Описанием всего обряда я грузить тут никого не буду, но были там примечательные эпизоды. Старенькому дедушке было сказано, что все его беды оттого, что когда-то в молодости он подгулял и жена сделала ему «привязку», но тот, кто делал по ее просьбе, перестарался, так что теперь именно поэтому у него плохо ходят ноги. Я посомневалась – все же когда еще болеть ногам, как не в таком почтенном возрасте, – пациенту было уж никак не меньше восьмидесяти. Верилось в это все с трудом, но сэнсэй на ухо сообщил ему приметы той женщины, которая чуть не разрушила семейный очаг, тот изумленно закивал – как я поняла, попадание было на 99,9 процента. Препятствий к поиску работы для женщины сэнсэй никаких не увидел, разве что, как сказал, можно бы сделать так, чтобы новая должность нашлась поскорее. Но он что-то такое увидел у нее в области груди и тоже пролечил – как и дедушкины ноги.

Заодно он продиагностировал меня, всю легонько охлопав рукояткой своей шаманской плетки, и неожиданно заявил, что что-то такое ему не нравится внизу живота, хотя не похоже, чтобы проблема была серьезной. Я удивленно заметила, что по-женски ничем не страдаю, на что сэнсэй посоветовал не спорить. Сэнсэевы клиенты остались до самого конца – главным образом из-за транспортной проблемы, потому что припоздали те, кто должен был за ними приехать.

Транспортная проблема вообще в Туве, как я позже выяснила опытным путем, основная. В советское время, к примеру, в сэнсэеву деревню ходил автобус трижды в день; теперь – ничего. Внутреннее сообщение равно нулю. Без машины здесь просто пропадешь. Местная «железка» нужна тут как воздух; ее стали строить уже лет десять как, но, видно, деньги осели, где обычно, и так оно все и заглохло.

Когда сэнсэй начал работать, мне уже стало не до съемок. Но запись шла, телефон лежал в желтой осенней траве рядом со мной, и уже потом, зачем-то глянув видео, прежде чем стереть, я обнаружила, что прямо рядом со мной на все это с интересом смотрела маленькая коричневая змейка с черным пятнышком на голове. Когда бубен отгремел, она так же чинно удалилась. Сэнсэй сказал, что это хорошо, значит, «хозяйка была».

Обратно шли уже хорошо за полдень, причем по дороге сэнсэю пришлось бросить камешки прямо на пне: кто-то позвонил, хотел идти на охоту и спрашивал, будет ли удача. Бросив камешки, сэнсэй хитро спросил:

– Ну как, будет?

– Если хорошо стреляет, будет, – схитрила я в ответ.

Было в хуваанокe то, что интересовало меня в особенности, – гадательные камешки, как я уже поняла, наблюдая за сэнсэем, могли не просто предсказать неудачу в ка-

ком-то деле, но и – в руках специалиста, конечно, – могли отвести ее. Было там несколько интересных моментов, и сэнсэй похвалил меня, что я смогла их подметить.

Дорогой он рассказывал о самых занятных случаях в своей практике, и как-то незаметно мы пришли домой, где стали паковать вещи, – утром мы должны были выехать куда-то на границу с Монголией. Я еще не знала, что вот там-то как раз нас и ждут настоящие приключения – шаманские и человеческие.

День четвертый

Утром четвертого дня мы с сэнсэем выдвинулись из деревни в Кызыл, а оттуда – в Эрзин. В самом начале нам пришлось столкнуться с тем, чего мы так старались избежать – по крайней мере, в период пандемии, – с местной тувинской маршруткой. Но поскольку такси по какой-то причине не пришло вообще (тут такое сплошь и рядом), ничего другого нам не оставалось. В любом случае в Кызыле все равно планировалась пересадка.

Надо сказать, все в маршрутке оказались людьми сознательными – все были в масках. Кроме какого-то парня, который как раз таки уселся рядом со мной и принялся самым неприятным образом кашлять. Для такого случая я вожу с собой нераспечатанную пачку масок и просто предлагаю человеку надеть. Но парень был крепкий орешек. Только мы-то тут, в Москве, тоже не лыком шитые. Поскольку дважды на просьбу он не отреагировал, а я привыкла все доводить до конца, я попросила водителя остановиться.

– Молодой человек выходит здесь, – сообщила я и в ответ на недоуменные взгляды пассажиров произнесла в телефон волшебное заклинание: – Окей, гугл, Роспотребнадзор по Республике Туве, нарушение правил перевозок в период пан-

демии, сообщить телефон для связи. – И вышла посмотреть номер машины.

Быстро смекнув, что в случае чего штраф будет платить он, а не парень-раздолбай, с которого и гнилого яблока не получишь, водитель обрушился на того – это была длинная и эмоциональная тувинская тирада, из которой я почему-то поняла все – это было не что иное, как обещание оторвать ему ноги и засунуть в непригодное для этого место. Парень позеленел от злости, достал из кармана понтовую многоразовую маску с клыками и до самого города сверлил меня взглядом, на что мне было абсолютно, впрочем, наплевать. Надо добавить, что это был стопроцентный блеф, ибо мой телефончик как раз в тот момент вновь потерял все «кубики» связи до одного.

Уже позже одна знакомая тувинка рассказала мне, что такое антисептик и маска по-тувински. Это – плюнул на ладони, растер, а потом одной ладонью прикрыл себе нос и рот. Так обычно делали здешние парни в период первой волны, когда у них неожиданно требовали обработать руки антисептиком и надеть маску.

В Кызыле мы пересели на другую машину и продолжили путь. Холодало на глазах. Нам предстояло перевалить через Танну-Ола – горный хребет, что тянется с востока на запад вдоль границы с Монголией. С перевала были видны вершины, в складках которых навечно лежал снег. Пейзаж стал меняться в сторону таежного, более привычного взгляду.

Дорогой ничего интересного больше не встретилось, вот разве что возле местечка Самагалтай у речки Тарлашкын мы увидели у дороги памятник с красной пятиконечной звездой наверху. Откуда-то взялась мобильная связь, и я принялась читать о том, что это за памятник такой.

История была не слишком веселая, как, собственно, и все истории периода Гражданской войны. Памятник

поставлен в память о героях Тарлашкина неподалеку от места боя красных партизан с отрядом барона Унгерна под командованием поручика Поползухина 23 мая 1921 года. Отряд партизан под командованием С. К. Кочетова внезапно напал на вчетверо превосходящий отряд унгерновцев. В бою красные потеряли убитыми 89 человек, белые – 175 убитыми и 240 ранеными. Остатки отряда подорвали десять пудов пороха, сожгли снаряды и бежали в Монголию. Сам Поползухин попал в плен. Этот бой разрушил планы Унгерна захватить Урянхайский край и присоединить его к Халхе. Атаман Казанцев, которому подчинялся Поползухин, так был зол на поручика, считая его виновником неудачного боя, что расстрелял жену поручика, причем беременную, которой оставалось несколько часов до родов.

Вот так... Я стала читать дальше, и выяснилось, что вообще этот самый Казанцев был еще тем беспредельщиком.

«Я живо помню первое появление Казанцева по его прибытии в Улясутай, – вспоминает некто поручик Носков. – Невысокого роста, широкоплечий, с большой рыжей бородою, в поношенной короткой меховой куртке, плотно застегнутой, в больших простых сапогах и казацкой папахе появился он на собрании офицеров. Спокойным голосом, опустив глаза вниз, он резко объявил:

– Я прибыл сюда, чтобы исполнять волю барона. В своих поступках я буду отвечать перед бароном. Я обязан и буду, конечно, так поступать. За каждую ошибку я отвечаю своей головой. Поэтому я буду требовать абсолютного повиновения со стороны всех, кто пожелает подчиниться мне.

Собрание молчаливо разошлось. Создалось неопределенное, но тяжелое чувство приближающейся катастрофы. Никто не желал быть слепым орудием в руках другого человека, и все же все подчинились. Почему

так произошло, не могу сказать. Это – психологическая загадка, которую я не могу отгадать. Многие думали об аресте Казанцева. Это было бы легко сделать, ибо страшный барон был далеко и фактически Улясутай был вне сферы его влияния. Казанцев был почти один, с очень немногими своими сподвижниками. И все же признали его авторитет, как неизбежный зов судьбы...»

«Странный феномен... – подумалось мне. – И сколько раз в истории это уже бывало, когда собственное безволие и неумение в нужный момент предпринять что-то спасительное люди оправдывали такой вот “психологической загадкой” и “зовом судьбы”».

Впрочем, к тому моменту самому этому саядуге жить оставалось всего полгода – Казанцев погиб в бою в декабре 1921 года при очередной попытке отряда прорваться в Россию. Ну а барон Унгерн, его «шеф», будет расстрелян в Новониколаевске еще раньше. Надеюсь, что там, где они сейчас, их судили по справедливости за все, что они наворотили, – те, кто должен судить.

В Эрзине я была сдана на руки сэнсэевой сестре, которая до отвала накормила меня варениками и принялась выпрашивать, что задумал «этот сумасброд». Истинно, для своих родных мы никогда не являемся авторитетом. Пускай тебе хоть Нобелевскую премию дадут, брат все равно скажет, что ты безрукий неумеха, а мать добавит, что еще и ни к чему не годный разгильдяй, просто ловко морочащий людям голову.

Между тем нужно было подумать о транспорте, чтобы ехать дальше. Потому что мне предстояла «вторая серия» этого кино. Сэнсэй смог раздобыть вусмерть убитую черную «девятку», которая мне сразу не понравилась: наполовину опущенные окна не поднимались; внутри все было отломано или же давно отвалилось само – козырьки, подъемники, ручки; кое-что было примотано скотчем

на скорую руку. Дверцы открывались не с первого раза и точно так же закрывались. Словом, это была натуральная «шайтан-арба», которые у нас все же еще рассекают по дорогам, и даже не в самом отделенном Подмоскowie. Однако, прогулявшись немного по поселку, я поняла, что местный автопарк навряд ли сможет порадовать нас чем-то получше.

Погрузив все что нужно, мы отчалили, причем в самый последний момент сестра сэнсэя сунула мне свою расшитую позументом сиреневую тувинскую безрукавку – этот поступок я в полной мере оценила только позднее...

– Угробит, как пить дать угробит, дуралей старый! – с такими словами она проводила нас.

Дребезжа по грунтовке, как сто чертей, «шайтан-арба» пересекла речку Тес-Хем и устремилась в степь. Дорогой нам встретилась священная гора с коновязью, сплошь украшенной разноцветными ленточками. Остановившись, мы тоже повязали по ленточке и продолжили путь. Как раз тогда я заметила, что ветер начал усиливаться и леденеть. Печка в «шайтан-арбе» тянула еле-еле. Степь, голая как коленка, наполнилась ветренными звуками. Как называлась эта причудливой формы гора, я не запомнила. Лишь то, что в названии было слово «кара» – «черный». Так что я буду называть ее просто Черной.

Не успели мы, громыхая, проехать и ста метров, как на подъеме мотор несколько раз провернулся вхолостую и замер. Машина плавно откатилась вниз...

Выйдя наружу, я сразу услышала из-под капота булькающий звук, подняла, и столб белого пара радостно вырвался наружу. Я сообщила сэнсэю, что мы «закипели». С моей точки зрения, небольшая беда – нужно только дождаться, когда остынет тосол. Честно говоря, я подозревала, что «шайтан-арба» может преподнести сюрпризы хуже этого, и вовсе утратила оптимизм, поняв, что сэн-

сэй, может быть, и разбирается в духах, но вот в моторах – вообще ни разу. Что ж, в конце концов, нельзя разбираться вообще во всем. Мы сели ждать. Выяснилось, что кто-то позабыл на полу «шайтан-арбы» полбутылки водки, плохо закрытой, и дорогой она пролилась, благоухая на весь салон.

– Как бы менты не прицепились, – заметил сэнсэй.

Однако же мне существование дэпээсников посреди этой степи показалось столь же невероятным, как и то, что кто-то оставил здесь начатые аж полбутылки...

Плохо это было тем, что солнце начало уже ощущимо клониться, а у нас еще и конь не валялся – до озера оставалось еще до фига ехать. Вообще надо сказать, что наша «вторая серия» как-то не задалась с самого начала. Пока мы сидели, я продолжила интервьюировать под запись сэнсэя. В летнее время, как он объяснил, к озеру многие едут, там работает турбаза, но теперь там, конечно, нет никого и ничего. В случае плохого стечения обстоятельств оставались еще кочевья, но, как я поняла, и они были неблизко.

Между тем мотор остыл, многострадальная колымага ожила, и мы тронулись дальше.

Без солнца Торе-Холь (в переводе «Озеро-Стремя») имеет цвет металла, а под солнцем наливается глубокой синевой. Оно пресное и глубокое – в середине до восьми метров. Как я где-то читала, раньше считалось, что питают озеро конденсированные воды, ручейками стекающие сюда из монгольских песков, но потом выяснилось, что на дне бьют мощные родники. От места, где располагалась на берегу выглядящая нежилой турбаза, мы взяли правее и долго ехали вдоль берега.

Далеко за озером желтели барханы – там уже начиналась Монголия. Мне показалось, что ближе к тому берегу кричат лебеди. В голове пронеслись строчки из Екклесиа-

ста: «... не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием»... Однако сэнсэй отвлек меня от философских размышлений. Мы подъехали к трем раскрашенным в разные цвета буддийским ступам. Рядом, как и обычно, была оваа с ленточками. Ветер налетал все яростнее, и мы наскоро занялись разгрузкой.

Однако же в самом начале сэнсэя ждал сюрприз. Только начав, он прервался.

– Не приходят. – Истинно, в это день все шло наперекосьяк.

Это было досадно. Мне подумалось, что, должно быть, вина моя. Как говорится, «кто облачается в желтое одеяние, сам не очистившись от грязи, не зная ни истины, ни самоограничения, тот недостоин желтого одеяния». Мы вернулись в машину и врубили печку, решив немного подождать. Печка надрывно гудела, а я тем временем попыталась про себя поговорить с местными духами. Но все больше коченела, и все больше становилось жаль те пролитые полбутылки – конечно, дрянь несусветная, но от простуды бы спасло.

Ветер крепчал и леденел, прорываясь в щели не до конца поднимающихся стекол. Стоило большой решимости вылезти и начать все сначала. Пришлось собрать еще камней, чтобы дополнительно обложить очажный круг, чтобы ветер не перебросил пламя на сухую траву, – такие вещи могут наделать беды в степи. На сей раз все пошло как надо, и вдруг сквозь тучи прорвалось солнце, и Торе-Холь засинело под ним, как сапфир, – истинное чудо.

По пути назад мы остановились возле занятой формы останца. Но солнце уже стремительно валилось за горизонт. Скоро во тьме впереди показалась Черная гора. И тут началось форменное дежавю – мотор снова заглох. Точно Черная гора никак не желала нас отпустить

от себя. При свете фонарика мы полезли в мотор, но на сей раз ничего не кипело. И мотор все проворачивался и проворачивался вхолостую – даже и чихать перестал...

Ветер здесь «крутит» – в какой-то момент становится невозможно определить, откуда и куда он дует. Отовсюду и куда угодно. У меня мелькнула мысль пойти назад к озеру и попроситься на турбазу, но, во-первых, отъехали мы уже очень далеко. Во-вторых, навряд ли там есть люди. Связи, ясное дело, не было, и шанс на то, что здесь кто-то проедет, был ничтожным. Оставалось кочевье – тоже, впрочем, далеко. Попытки завестись с толчка успехом не увенчались.

Я содрала с заднего сиденья замызганную подстилку – решив, что ей хуже уже не будет, – и, как учил меня в детстве дедушка, вывернула свечи и все их хорошенько протерла. На этом мои познания в моторах заканчивались. Тепло выдуло из машины напрочь, и нас начало трясти от холода. Мы разбрелись собрать топлива – нужно было готовиться к худшему.

Я впервые услышала песни, что поют степные ветры, пролетая сквозь скалы. Почему-то мне все время лезла в голову расстрелянная беременная жена поручика Поползухина. Интересно, как ее звали?.. Припомнился мне и мятежный барон, про которого говорили, что в него вселился дух Чингисхана. «...Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она...»

Когда вплотную подошла к Черной горе, мне показалось, что я слышу, как кто-то играет на варгане – кто-то невидимый, хотя, вероятно, это просто воздушный поток с силой проходил через какую-нибудь трещину в камне. И тут я вспомнила, что мы ведь в спешке не оставили тут молока. У нас оно еще оставалось, и, вероятно, его стоило бы поберечь, но мне ясно было, что холод в здешних

степях гораздо хуже голода. Я вернулась к машине, прылась в пакетах и, отыскав молоко, согнувшись под порывами ветра, пошла к горе. Широким веерообразным движением, подражая сэнсэю, я выплеснула молоко на склон. И подняла голову. Луны не было – почему-то в Туве я ни разу не видела ее, – но вызвездило уже ясно. Прямо над горой висел Ковш – как я слышала, это самое шаманское созвездие... И вдруг мне стало понятно – что-то изменилось. Вот именно сейчас, в эту секунду, когда я стояла тут с пустой пластиковой бутылкой в руке и смотрела на небо, что-то повернулось где-то, повернулось другой стороной.

Кутаясь в безрукавку, я быстро вернулась к машине, села и повернула ключ. И точно ничего и не было... Мотор ровно загудел. Я произнесла сложное четырехэтажное заклинание, которое не берусь воспроизвести здесь, – ничего из него, кроме неподцензурного «в рот», лучше все же тут не писать. В общем, вы поняли.

Переехав Тес-Хем, мне пришлось повторить его вновь – потому что под звездами в свете фар перед нами стоял поперек дороги... разъезд ДПС, отбрасывая синий призрачный свет мигалок на заросли верблюжьей колючки. Даже сэнсэй, который в принципе никогда не ругается, помянул всем известного бога Анунаха. Думаю, я меньше удивилась бы летающей тарелке или вдруг высадившемуся в местной степи с вертолета «Акула» президенту Трампу со своей Меланьей в соболях... От машины отделилась темная фигура, и нас осветили ярким фонариком...

Сэнсэй отправился разбираться, я на всякий случай тоже вылезла – вдруг нужно будет его защищать. Полицейская машина, в ночи посреди безлюдных степей загромождающая дорогу мирным людям, невольно наводила на мысль о беспредельщине, и я приготовилась к худше-

му. Однако все обошлось: сэнсэй перебросился с полицией несколькими фразами по-тувински, причем несколько раз я уловила слово «хам» – «шаман». Ко мне претензий и вовсе не нашлось: просто посмотрели паспорт, причем я попросила «не светить в лицо, как в ОГПУ», потому что хватит и одного раза, а особой красоты тут нету, в ответ на что все похихикали.

Яркий свет в лицо из темноты до сих пор включает во мне что-то похожее на генетическую память и вызывает желание срочно подготовиться к защите. Наверное, дело было в прадедушке, который в 1937-м просто за здорово живешь был сослан навечно в Республику Коми из своей деревеньки под Орлом. Пока я раздумывала над этим, показался Эрзин.

В домик сэнсэевой сестры мы ввалились вконец закочевшие, и та сразу же начала реанимационные меры. Я с грустью поняла, что, если не хочу слечь, придется пить.

Дедушка ушел спать, а мы с бабушкой под вареники и вареную баранину принялись лечить меня тувинской водкой. Этой же гадостью пришлось растереть ноги по требованию бабушки.

К полуночи мы с сестрой сэнсэя успели вволю обсудить горькую женскую долю и порядком нагрузиться. Кроме того, она успела пересказать мне все страшные и скабрзные истории из прошлого эрзинских жителей. Последнее, что я помню, – это что мы с бабушкой сидим на диване под толстым верблюжьим одеялом, у меня на коленях спит рыжий щенок и я плачу поочередно над двумя очень грустными вещами: о том, что духи меня не любят и, таким образом, дороги, которые мы выбираем, не всегда выбирают нас, и еще о том, что родиться женщиной – это самое ужасное, что может случиться с человеком.

Под утро я проснулась от жуткой боли внизу живота и сразу ее узнала: лет пятнадцать назад мне как-то

довелось в походе, просидев почти сутки в болоте под дождем, застудить «первый этаж». То были цветочки по сравнению с этим. Это, блин, был настоящий пипец и форменная агония. Было больно лежать, сидеть и стоять, голова горела, бросало то в жар, то в холод. Я проглотила двойную порцию анальгина из походной аптечки, но лучше не стало. Обхватив себя руками и раскачиваясь от боли, я соображала, не отстукать ли домой прощальное послание и завещание, но, сколько ни перебирала в уме, выходило, что завещать особо нечего. Это показалось мне настолько обидным, что я решила пока повременить с последней волей.

Когда окна начали светлеть, я решилась-таки разбудить сэнсэя, робко постучавшись в дощатую перегородку: умирать совсем без свидетелей было как-то обидно. Я сообщила ему, что готовлюсь расстаться с этой негодной оболочкой и отправиться дальше по кругу перерождений.

– Что за ерунду ты говоришь! – рассердился сэнсэй, который считал, что слова могут быть материальны, и принялся торопливо одеваться.

– Правда, – обиделась я, трясаясь в ознобе.

Зажегся свет; явилась сестра сэнсэя в телогрейке поверх фланелевой ночнушки.

– Вот я говорила! Смотри, застудил человека, старый дурень!

Я попыталась вступиться, но меня никто не слушал.

– Стоять можешь? – спросил сэнсэй, копаясь в своей сумке с бубном.

Я покивала, стуча зубами.

– Вот я тебе давеча сказал, а ты не верила, – заметил сэнсэй.

– Так я думала, это про настоящее... а это было про будущее, – вздохнула я.

Между тем хлопнула крышка погреба, и явилась бабушка с какой-то банкой под мышкой. Я услышала, как вспыхнул газ. Однако прежде чем отдать меня в руки сестры с ее народными средствами, сенсей применил свои, о которых я здесь писать подробно не буду. Минут пятнадцать мне пришлось простоять посреди комнаты, завернувшись в одеяло и согнувшись от боли. Однако же терять было нечего.

После бабушка велела ему завязывать «с этой чепухой» и, сунув мне в руки плоску с чем-то горячим, велела намазать этим живот и обвязаться фланелевой тряпкой. Это был растопленный жир, в который, судя по травянистому запаху, было добавлено еще что-то. Я повинувалась, после чего сестра сэнсэя навалила на меня гору одеял. Мне приснилось, что я бутерброд с маслом и лежу на тарелке на липкой барной стойке; этот сюжет периодически перемежался чем-то, в чем я без труда узнавала мотивы бабушкиных эрзинских страшилок.

Проснувшись я почти здоровой. На ночной кошмар указывали только еле заметные неприятные ощущения, и бабушка с дедушкой долго препирались на предмет того, чье же лечение сработало. Я говорила, что это неважно, и искренне благодарила обоих...

Препятствий к «третьей серии» никаких не было. Бабушка снабдила меня своей телогрейкой и велела надеть под джинсы ее подштанники с начесом.

Планов на этот день было много: сперва планировалось посетить священную гору Кежеге, а потом ехать оттуда на личное сэнсэево место силы. Вечером дедушку ждали в Самагалтае, где он должен был провести очищение дома, на что мне, конечно, очень хотелось посмотреть. Сэнсэй объяснил, что дом неновый, но куплен только что и теперь надо «вселить в очаг хозяина». Новые владельцы были не против присутствия на этом действе

«стажера». Наняв очередную «шайтан-арбу», мы выдвинулись навстречу дню пятому.

День пятый

Весь день было как-то легко и не покидало странное ощущение поворота, которое я почувствовала там, на ветру у Черной скалы. Да и день разошелся, точно вернулось лето. Утром сэнсэй показал мне в Эрзине два каменных изваяния. Древние идолы – без рук, ног и лиц – стояли прямо на пустыре между домами. Сэнсэй рассказал, что помнит времена, когда они еще были за поселком, в степи, но потом Эрзин разросся – и вот дошел и туда.

До Кежеге езды было всего ничего; по сравнению со вчерашним все казалось непринужденной прогулкой на природу. Кежеге отличается от других гор тем, что туда можно войти, – она почти круглая. Мне невольно вспомнились уральские сказы Бажова, где посвященные то и дело «ходили в гору», которая раскрывалась для них. Круг разрывается узкой расщелиной, по которой можно взобраться внутрь. Внизу бежит ручей, куда все бросают монетки. Внутри открывается настоящий горный амфитеатр. Слоистые скалы местами покрыты темным пустынным загаром – точно закопченные.

Сэнсэй показал мне значимые места для тех, кто едет к Кежеге просить детей. Есть там «мужской орган» – совсем невысоко, – на него женщины должны сесть. «Женский орган» – для мужчин, имеющих проблемы с деторождением, – располагается довольно высоко, нужно подниматься. И то и другое не так чтобы сильно похоже на это самое – разве что если включить фантазию.

На Кежеге ничего делать нельзя – охотиться, даже сломать ветку или сорвать травинку. Не дай бог пописать. Согласно рассказам, здесь граница между «здесь» и «там»

наиболее тонкая, пронизываемая. Поэтому гора прославилась как шаманская: шаманы приезжают сюда часто – каждый со своими целями. Несколько лет назад группа «фоксов малдеров» проездом из Москвы на Альфа Центавру, остановившись здесь «для контакта», говорят, получила послание о том, что когда-то здесь был белый город – марсианская колония, которая в результате какого-то катаклизма вынуждена была вся в одночасье вернуться домой. Контактеры продолжили свой путь на старенькой «буханке» и донесли это послание до человечества.

Надо сказать, гора и впрямь напоминает рукотворный крепостной вал с крепостными воротами там, где кольцо отвесных скал разрывается. По бокам прохода столбики – каждый с фигуркой лошади наверху. Здесь же неизменная коновязь с ленточками. Внутри каменного города есть узкие лабиринты улочек, похожих на закоулки Старого города в каком-нибудь Риме. В конце каждой такой расщелины – тесной, одному человеку пройти – расположены каменные алтари для подношений духам. Подниматься высоко женщинам нельзя. Еще люди оставляют там материальные символы своих желаний. Чаще всего это – о, суета сует! – игрушечные машинки. Говорят, на Кежеге нужно вести себя с особой осторожностью – мало ли на что могут обидеться духи. Нужно думать правильно и правильно говорить.

Я читала, что на Кежеге нужно быть очень осторожным по причине того, что в большинстве мест силы можно просить только о хорошем, а здесь будто бы не только о хорошем. Впрочем, существование места силы, где можно пожелать, чтоб у «соседа корова сдохла», показалось мне сомнительным. Все же, вероятно, это была просто болтовня.

Я никакой угрозы, по крайней мере, и близко не уловила. Наоборот, будь время, посидела бы там подольше, поговорила с горой.

Да и вообще этот день был какой-то особенный, и все время меня не покидало ощущение, будто кто-то держит большую теплую ладонь над моей макушкой.

Простившись с Кежеге, мы направились в степь – уже безо всякой дороги – на сэнсэево место силы.

Мы ехали долго и немного сбились. Для меня подобная местность непривычна, не знаю, как местные находят здесь вообще что-либо: степь – она степь и есть. Но для них это открытая и понятная книга – как для нас леса с полями. По дороге мы наехали на кочевье; оказалось, что кто-то там знает сэнсэя, так что нас звали внутрь и предложили что-то вроде жареных в масле пончиков и чая с солью – непривычный для меня напиток. Все же было страшно жаль, что кочевники не пьют кофе, но я возила с собой в рюкзаке неизменные пакетики «3 в 1», от которых всякий раз приходил в ужас сэнсэй.

Взяв верный азимут, мы тронулись дальше. Дедушкино место располагалось на высоком берегу Тес-Хема, который здесь очень заковыристо петляет, и такое чувство, что куда ни поедешь, всюду его встретишь.

Местная легенда объясняет такую извилистость следующим образом: «В древности монголы, которые жили в степи, сосватали девушку из таежной местности. Наша земля была сплошь покрыта льдом, как на севере сейчас, и было море. Так люди родом из степи пришли и взяли очень красивую дочь правителя и увезли. Но девушка родом из водных и таежных мест, пожив в степи, заскучала по родине. Тогда она отправила весть домой: «Живя в этом жарком месте, я испытываю жажду. Мне нужна вода. Мне нужен блестящий холодный лед». Чтобы отвезти сестре, ее брат навьючил лед на лошадь и скакал так стремительно, что расстояние в год преодолевал за сутки. Когда он ехал, то на песках, где сейчас стоит озеро Торе-Холь, лед растаял и через стремя его лошади упал,

расколовшись на две части. Меньшая часть выпала на той стороне – монгольской; большая часть упала на этой стороне – тувинской. Поэтому озеро Торе-Хол называли так, ибо лед упал со стремени».

Поскольку эта миссия не удалась и девушка продолжала рваться домой, то, «чтобы оставить ее, задумались и решили превратить реку Тес в озеро. Когда стали так делать, то река Тес не послушалась и устремилась в Туву. Чтобы преградить ей путь, возвели гору Хайыракан, но река не отступилась, раздвоилась и побежала дальше. Так появились горы Большой и Малый Хайыракан. Тогда задумались и, чтобы река на юг не текла, прорыли землю и пустили воду под землю, так появилось озеро Убсу-Нур. Когда поселили девушку у озера Убсу-Нур, она обрадовалась».

Дедушкино место представляло собой высокий сухой холм над рекой с трехчастным каменным останцом, похожим на спинной плавник какой-то дивной земляной рыбы.

Я спустилась к зеленовато-мутному Тес-Хему: течение здесь тащило дай бог как, да и глубина, судя по всему, была солидная.

Здесь запретов на лазанье для женщин не было, и я полезла вслед за сэнсэем на останец, чтобы привязать к кустам верблюжьей колючки, что росли прямо из камня, свою ленточку. Чтобы освободить руки, я положила на приметный камень хлебный мякиш – свое подношение, решив, что потом приищу ему подходящее место. Спустившись, я его не нашла, хотя тщательно осмотрела и камень, и все, что вокруг. Но, в конце концов, для этого места подношение и предназначалось, так что я отправилась на зов сэнсэя.

В расщелине, куда мы спустились, торчала огромная глыба белого кварца, похожая на сахарную голову, какими они были в старину. Вокруг можно было на-

брать сколько угодно белых кварцев для хуваанюка, что я и сделала. Камешки ведь часто теряются, так что иметь на замену побольше и из разных мест – разумно. Вообще, сэнсэй рассказал, что самые хорошие камешки те, что находят в желудках подстреленных птиц.

Вообще в такие дни все идет хорошо, потому что просто не может идти плохо.

За рекой на солнце желтели песчаные дюны, усеянные черными точками колючих кустарников.

Совсем не многие до берега иного
Доплыть сумеют. Остальные суетятся
О том, чтоб здесь, на берегу своем, остаться,
Не понимая невозможности такого¹.

Однако же нужно было возвращаться. В Эрзине мы распрощались с сэнсэевой сестрой и тронулись в Самагалтай.

Дом, который нужно было очищать, случись такой где-нибудь в ближайшем Подмосковье, точно бы пошел под снос, но мерить Туву нашими мерками не годится. Хозяева очень рады были новому очагу и готовились к ремонту, который надеялись довести до какого-то этапа прежде, чем придут холода.

В Самагалтае, думаю, меня запомнили надолго как первого человека в медицинской маске. В Эрзине в минувшую волну заболевших было всего двое; тут, я думаю, не больше, но должность сэнсэева «стажера» накладывала ответственность, и я, будучи из Москвы, как и любой другой, не могла бы поручиться на все сто, что не являюсь бессимптомным носителем.

Сэнсэй объяснил мне, что такое очищение имеет свои нюансы, когда проводится в городской квартире, ведь

¹ Здесь и далее автор цитирует «Дхаммападу».

по понятным причинам огня там не разведешь. Еще он напомнил хозяевам, что теперь четыре дня после обряда нельзя мыться (это не касалось умывания и тому подобных водных процедур, а относилось к мытью целиком) и стирать одежду, в которой были на обряде, – можно было ее поменять на другую, но не стирать.

Отдаленно на каком-то этапе это было похоже на то, как святит дом священник, разве что вместо воды был можжевельный дым. Ну и, конечно же, фигурировало сало, водка, белая крупа и прочее. В пустых комнатах звук бубна, возвращаясь эхом, воистину был подобен грому. Очищению также подверглись двор и хозпостройки, особое внимание сэнсэй уделил входной калитке и зачем-то, ударяя в бубен, заглянул под крыльцо. Заходящее солнце по косо́й хлынуло в дверь, и мне искренне захотелось, чтобы по этим золотым нитям спустились сюда, к людям, которые будут здесь жить, самые добрые и благожелательные духи.

Обряд закончился на пустыре за домом, куда следовало вынести и оставить все негативное и вредное. После чего нас повели в старый дом хозяев, где до отвала накормили, как и положено. Конечно, побудь я «стажером» сэнсэя дольше, наверное, очень скоро бы не пролезла в дверь.

Уже в темноте мы тронулись назад в Кызыл, где нас встретила дочь сэнсэя. Она заявила, что это не годится и что надо показать меня врачу, потому что женщине застуживаться опасно. Я отбивалась, говоря, что уже почти в порядке, но дочь сэнсэя была неумолима, и так я снова оказалась на своей проверенной базе – в «Монгулке». С другой стороны, я чувствовала, что для изучения хуваанока я сегодня уже не гожусь. К тому же в «Монгулке» имелся горячий душ, и искушение было слишком велико... Решено было, что утром я сгоняю по-быстрому

к врачу, а потом своим ходом вернуться в сэнсэеву деревню. Так кончился день пятый.

День шестой

Утро в «Монгулеке» я начала с каши – да-да, наконец-то это была каша! И омлет! А не баранина и не походный кофе «3 в 1». Плохо в местной столовке было только то, что там вещал с висящей на стене плазмы доктор Мясников, и уже к концу завтрака мне показалось, что я всерьез страдаю красной волчанкой, болезнью Бехтерева и еще чем-то третьим. Впрочем, аппетита мне это не испортило. Собрав рюкзак, я нога за ногу побрела к гинекологу – не знаю ни одной женщины, кто ходит туда с радостью.

Доктор, к которой записала меня дочь сэнсэя, оказалась молодая и симпатичная и сразу мне понравилась. Вообще клиника производила хорошее впечатление – все чистенько, все очень строго с масками и дезинфекцией. Особенно замечательны были цены – в Москве точно таких не найдешь – все очень дешево.

Доктор подтвердила, что я и впрямь застудилась, но процесс уже подострый.

– Это сэнсэй постарался, полечил, – поделилась я, – он про это вообще за двое суток знал уже...

Доктор с интересом спросила, как зовут сэнсэя и где он живет. И сказала:

– Да, у нас тут такие есть.

И все же прописала курс антибиотиков. Затарившись в местной аптеке этими «колесами», я отправилась искать себе такси. Решила, что по дороге к сэнсэю обязательно заеду посмотреть уникальное соленое озеро Дус-Холь. До того мне все никак это не удавалось – мы все время проезжали мимо и все время куда-нибудь спешили.

День прошел в каком-то смысле под знаком тувинской транспортной проблемы, основной момент которой заключается в следующем: ехать не на чем. Хорошо, если у тебя есть прикормленный «бомбила», но если нет, ничего хорошего тебя не ждет.

Прикупив кое-чего вкусенького на базаре, ибо ассортимент в сельпо сэнсэевого поселка был неважнецкий, я приступила здесь же к решению вопросов транспорта – как раз возле базара «бомбилы» и кучковались. При произнесенном мной слове «Дус-Холь» реакция была такая, точно я называла конечной точкой маршрута Марс. Водители моментально впадали в странное состояние укуренности и тянули, тормозя как сто чертей:

– Не-е-е, я только по городу...

– Это же так далеко, а уже послеобеда...

И наконец даже:

– Мне так далеко ездить жена не велит.

Для москвича все это, конечно же, было дико – потому что, живя в Москве, ты знаешь: куда бы тебя ни занесло, утром, ночью ли, достаточно одного звонка или клика – и машина придет через пять минут. Если тебя занесло куда-то дальше, за черту Первопрестольной, разница лишь в том, что придется заплатить больше, – вот и все. Но здесь деньги, кажется, не имели вообще никакого значения. Их никто не хотел зарабатывать. Никакие – ни маленькие, ни большие. Потому что наступило «послеобеда».

Сперва я думала, что тут дело в набивании цены, но вскоре обескураженно поняла, что дело не в этом. Просто никому было не охота. Свалив пакеты на газон, я принялась обзванивать компании. И вы не поверите – там было то же самое. Девушки-операторы озадаченно тянули – все, как одна:

– Дус-Холь... Это же так далеко...

– Какое далеко – сорок километров!

– Не-е-е, у нас никто не поедет...

Наконец в одном месте заявку приняли. Но я, наученная опытом, уже знала, что это ровным счетом ничего не значит. Ни через десять, ни через двадцать, ни через полчаса никто так и не появился. В ответ звучало все то же самое: «Ваша заявка передана водителю». На третий раз я не выдержала и с любопытством спросила:

– А что он с ней сделал?

– С чем?

– Да с заявкой.

– Девушка, ну, может, он в магазин пошел или...

– То есть, получив заявку, он решил на шопинг, что ли, пойти?

Забив на этот вариант, я продолжила обзвон, и наконец попытки где-то с пятой мне свезло:

– Дус-Холь? Ожидайте машину.

– Да ладно?! – не поверила я.

Через пять минут подкатило такси. Самое обыкновенное такси – и даже не «шайтан-арба». Точно из Москвы телепортировалось. Со счетчиком и шашечками. Я встретила водителя как небесного посланца и долго с недоверием спрашивала, правда ли он довезет меня до озера, невзирая на чертово «послеобеда». И все же я до сих пор думаю, что пропащие души на том свете заняты тем, что пытаются уехать из города, тщетно ища транспорт возле кызылского базара.

Машина помчала меня из города, и передо мной снова раскинулись степи. Дорогой я поделилась с водителем тем, что я, проведя с полдня на озере, хотела бы потом добраться от него до сэнсэева села, и спросила, не может ли он меня забрать вечером. Тот сказал, что, увы, не может, но у него есть друг, который живет в деревне недалеко от озера, – он вообще-то пастух, но иногда «бомбит». Мы сразу же набрали ему, и он произвел на меня

благоприятное впечатление. Мы условились, что к семи вечера он подъедет к аржаану на берегу, потому что связь там ловит плохо.

На Дус-Холь вода так тиха, что, играя, то и дело, кажется, меняется с небом местами – так, от делать нечего. Так что в озере порой, бывает, проплывает самолет, а с поверхности неба то и дело с шумом снимаются утки. Берег во многих местах покрыт белой соленой коркой с застывшими следами коровьих и козьих копыт. Турбазы по берегам стояли пустые – сезон на озере кончается раньше конца августа. Лишь на том берегу гомонила какая-то небольшая компашка. Пока я умывалась в аржаане, его окружило коровье стадо. Коровы, все как одна, изумленно и чуть испуганно смотрели на меня огромными глазами, как будто у меня вдруг выросло две головы или парочка хвостов.

Наконец они ушли, все так же чему-то удивляясь. А я стала подниматься в гору – за холмом лежало озеро Хадын – Березовое. Оно на первый взгляд было близко – так почему-то всегда кажется в степи. На деле я шагала дотуда долго, предварительно спрятав рюкзак в кустах, так как рассудила, что возвращаться буду этим же путем. На Хадыне не было ни души. Озеро было заглухшее, с чуть заболоченными берегами и совсем другим цветом воды. Но и оно было удивительно спокойно, точно шелковое покрывало, и без конца играло с небом и ветрами. Сэнсэй говорил, что здесь иногда садятся перелетные лебеди. У того берега кричала – должно быть, в камышах – одинокая невидимая птица.

Вспомнилось опять: «Я называю брахманом того, для которого не существует ни этого берега, ни того берега, ни этого и того вместе». И мне подумалось, что ведь вот – та птица ведь и не знает о существовании того берега и этого...

Начало между тем смеркаться, и я тронулась в обратный путь. С холма между двумя озерами было видно далекое шоссе. Изредка – все реже и реже – вдалеке появлялся огонек фар – приближающийся, одинокий, он почему-то рождает тоску в сердце. Поравнявшись с озером, он оборачивался красным светом габаритов, который, отдаваясь, тонул в черноте почти сразу. Степь съедала все звуки – сюда не доносился даже звук мотора. Снова подумалось: «Что еще такое наша жизнь, как не это: ты стоишь во тьме, и изредка тебя освещает фарами встреч – хороших и не очень, но как же они все недолговечны; так что стоит вдвойне дорожить теми, что посланы нам добрыми, светлыми духами...» Мало-помалу машин не стало, и на Дус-Холь опустилась тьма, вместе с которой пришел и холод.

Возле аржаана в назначенное время я машины не обнаружила. Прождав с полчаса, я начала замерзать, выругалась и двинулась вверх по склону к темным домикам турбаз. Там, разумеется, не было ни огонька, и мало-помалу я поняла, что вечер перестает быть томным.

Бродя, точно местный степной призрак, между запертыми зданиями и лишней раз убедившись, что связь не ловит, я подумала, что в крайнем случае можно высадить окно – не пропадать же тут, в самом деле? Я решила, что так просто не сдамся, – в конце концов, я была замужем, и теперь меня уже так, без хрена, фиг сожрешь.

По ощущениям столбик термометра полз все ниже и ниже. Миновал уже почти час с того времени, как мы забили стрелку у аржаана. И тут в стороне от турбазного поселка блеснул огонек – я глазам не поверила. Я шла и все думала, как много потеряла цивилизация, потому что ничто и никогда не сравнится, наверное, с этим ощущением путника в ночи, который увидел где-то там, далеко, спасительный свет.

Возле маленького домика сидели у костра две девушки с парнишкой лет эдак шести. Эти милые люди дали мне складной стул и, что гораздо важнее, – место у костра. И свои телефоны – чтобы я еще раз попробовала прозвониться раздолбаю-водиле. Однако с какого оператора я бы ни набирала – номер был вне доступа. Да и телефоны то и дело теряли «кубики». Девушки предложили мне ночевать здесь, раз уж так получилось. Я сказала, что там сэнсэй, наверное, уже весь извелся, а то я бы осталась... но да – если будет совсем непруха, то, конечно, куда ж денешься. Мы разговорились «за жизнь», и, смотря в огонь, я решила, что дорога, которую я выбрала сегодня, в конце концов тоже выбрала меня.

Прошло часа полтора, и вдруг вдали показались фары – и к костру причалил... мой запоздалый транспорт. Я, однако, отогревшись, была настроена проучить раздолбая и посоветовала ему ехать туда, откуда приехал, ибо я ночую тут – и на фига он мне сдался через два часа после назначенного. Я предложила: или я плачу меньше вполонину за такой «сервис» на грани фолла, или он может считать, что зря потратил деньги на бензин – я вполне могу остаться здесь ночевать. Раздолбай выбрал первое, и таким образом я прибыла в сэнсэеву деревню, которая давно спала глубоким сном. Сэнсэй, впрочем, не спал, а размышлял, с какими собаками и как ему теперь искать меня.

Вечер прошел так: сэнсэй гадал для тех, кто ему звонил (звонки сыпались на трубку, точно в Смольном), а я наблюдала и делала пометки в блокноте. Так и закончился для меня шестой день моего путешествия без багажа.

День седьмой

Утром я проснулась от мяуканья кошки под окном. Я поздоровалась с сэнсэевым запасным шаманским ко-

стюмом, что висел над моей кроватью, оделась, отхватила ножом кусок вареной колбасы кошке и вышла на двор.

Все кругом торопилось жить под этим солнцем последних денечков бабьего лета.

Я кинула кошке колбасу. Это была молочно-белая кошка с немногими кофейными и серыми пятнами по белому.

Она поглядела на колбасу, на меня, прыгнула через забор и пропала. Это было странно – я привыкла тут к тому, что абсолютно все зверье кругом всегда голодное: собаки у магазина хватали куски хлеба и корки за милую душу; вообще нигде в мире я не видела таких тощих собак и кошек. Я вернулась в дом, совсем не подозревая, что кошка приготовила мне сюрприз.

Завтракая, я окинула взглядом буфет и отметила, что будто бы чего-то недостает. В углу буфета у сэнсэя стоял набор из трех деревянных пиал, которые он использовал только для обрядов. Сейчас пиал не было, и я сразу же начала подозревать, не позабыли ли мы их в Эрзине.

– Сэнсэй, а где же пиалы?

Начали искать в пакетах и сумках, с которыми приехали с Эрзина, и не нашли. Сэнсэй опечалился. Пиалы были ручной работы, но главное было то, что родовые. И их потеря, конечно, была досадной. Впрочем, оставалась надежда, что мы позабыли их в доме сестры сэнсэя. Позвонили ей, говорит, нету.

Сели смотреть фотографии с телефона. И если на Торе-Холь пиалы на фото еще присутствовали, то на Кежеге и в дедушкином месте на берегу Тес-Хема мы были уже без них. Я сразу подумала, не позабыли ли мы их в «шайтан-арбе», когда выгружались из нее поздно ночью промерзшие до костей.

Тут сэнсэю вдруг в голову пришла идея:

– Неси-ка свои камешки! Сейчас скажешь мне, найду я свои пиалы или нет!

Я принесла мешочек с хуваанокком и уселась за стол.

К этому времени мне уже было ясно, что хуваанок – это то, что каждый шаман использует по-своему. Да и сэнсэй предостерегал меня от дотошного копирования того, что делает он или кто-то из его коллег, потому что с этого толку никогда не бывает.

Я бросила камешки, и, по-моему, выходило так: точно пиалы и не покидали сэнсэев дом. По крайней мере, не было никаких препятствий между ним и его пиалами. Так я и сказала. Вслед за этим кинул камешки сэнсэй, и вышло то же. И мы принялись искать телефон хозяина «шайтан-арбы». Тот отозвался. И точно – пиалы были у него, и он как раз уже второй день пытался отыскать сэнсэев контакт, чтобы вернуть их.

Раздухарившись, мы принялись – сэнсэй на своем хувааноке, а я на своем – выяснять, уйдет ли с поста Лукашенко и будет ли вторая волна коронавируса.

После сэнсэй должен был уехать по делам, а мне посоветовал сходить к истокам реки, где было священное место, – проветрить мозги, потому что ведь через день уже в Москву. Кроме того, вечером нужно было дозаписать интервью с сэнсэем и еще подзаняться камешками.

Сэнсэй нарисовал мне карту, которую я тотчас в спешке сборов позабыла. Но поскольку я все хорошо запомнила, решено было не возвращаться.

Я совсем забыла сказать, что, кроме шаманства, сэнсэй был еще изрядным камнерезом. Фигурный столбик, что стоял при въезде в деревню, – тот, что с названием села, – был сэнсэевой работы, например. Слева от калитки, во дворике, под навесом, помещалась целая мастерская: лежали куски горной породы, а посреди стояла начатая статуя Будды в половину человеческого роста. Я услышала тихий писк, и тотчас с колен просветленного прыгнул крошечный белый котенок в кофейных и свет-

ло-серых пятнах и посеменял к нам. Был он точной копией той кошки...

– Ах ты ж! – рассмеялась я. – Мамка-то у тебя ксероксом поработала – в самую себя окотила! – Пришлось рассказать сэнсэю про кошку.

– Тварюжка, а два и два сложила, – хмыкнул сэнсэй, – решила, раз колбаса есть у них, сюда и подброшу. Глянь, кот или кошка.

Котенок оказался кошкой.

– Возьми ее, отнесем к магазину.

– Да кому она там сдалась-то? – Я чувствовала себя немного ответственной уже – все же не без моего участия так вышло...

Между тем хитрая мелочь, не будь дура, проворно заныкалась среди отломков камня. И не вышла даже на колбасу. Решено было изловить котенка на обратном пути и выдворить.

– Сэнсэй, – начала я дорогой издали, – по-вашему, кто больше нужен в этом мире – мужчины или женщины?

– Конечно, и те и другие! – удивленно отозвался он.

– Ну так, значит, в нем и кошки тоже нужны! А вот Ходжа Насреддин вообще считал, что женщины стоят больше мужчин.

– Это почему же?

Я припомнила старую байку:

– «У Ходжи Насреддина однажды спросили:

– Как ты думаешь, уважаемый Ходжа, а кто более ценен в нашем мире – мужчина или женщина?

– Конечно, женщина! – не задумываясь ответил Ходжа.

– Почему?

– Видите ли, то, что ценно, стоит денег, не правда ли?

– Несомненно.

– А кто платит калым: жених за невесту или наоборот?

– Жених и платит, а кто же еще!

– Получается, что женщина для мужчины стоит довольно дорого, а мужчина для женщины не стоит ничего. Значит, женщина более ценна в этом мире».

На этом мы распрощались: я отправилась искать истоки реки, а сэнсэй – по своим делам.

На мосту я постояла, наблюдая, как лошадиный табунок неспешно переходит через речушку, и двинулась вверх по течению. Вспомнила, что однажды Вирджиния Вульф написала, что нужно же когда-то человеку просто посидеть на берегу, кидая в воду камешки. Или это сказала не она... хотя вполне могла бы сказать, подумалось мне. А еще вроде кто-то из мудрых говорил, что если, бросая камешки, не созерцать при этом расходящиеся от них круги, то это занятие совсем бесполезное... но, так или иначе, я собиралась не кидать их, а снова немножко подсобрать у истоков. Про то, что есть свое время для собирания камней и для разбрасывания, писал давно еще один чувак. По правую руку осталось деревенское кладбище, где пребывали оболочки тех, кто свое уже отбрасывал и отсобирал. По горизонту ходили лошади, кругом звенели кузнечики.

Собственно, искала я истоки не реки, а ручья, что в нее впадал. Ручей отходил налево, в лесистый овраг. По дну стелились красные водоросли. Уверившись, что иду правильно, я двинулась по берегу.

Здесь встречались огромные старые лиственницы – каждая годилась вполне на то, чтобы быть чьим-нибудь шаманским деревом. Я долго шла по левому берегу ручейка, пока не уперлась в непроходимые дебри. Перебралась в узком месте и двинулась по берегу правому. И там скоро уперлась в загородку из жердей и припомнила, что вроде как сэнсэй рисовал на карте в этом месте чабанскую стоянку. Я снова сменила берег и тотчас наткнулась на воистину исполинскую лиственницу – к тому

же со странно искривленными сучьями – с очень старыми деревьями такое случается. И тут же в траве обнаружила немногие коровьи кости – выбеленные и высушенные ветрами так, что даже самая большая из них ничего не весила и походила на пенопластовую.

Однако же скоро сделались непроходимыми оба берега, и я решила подняться по склону вверх, с тем чтобы дальше идти по степи. Что и сделала, продираясь сквозь заросли верблюжьей колючки. У нас таких нет – мало того что не каждый шиповниковый куст с ней сравнится, так еще она оставляет эти самые колючки в одежде, откуда ты ее выбираешь потом еще с неделю.

В ложбине было прохладно; в степи палило солнце. Странная штука эта степь. Столкнувшись с каким-либо масштабным природным явлением, поневоле всегда начинаешь ощущать собственную малость и ничтожность. Но это... как бы сказать – совсем не то ощущение, которое удручает тебя или как-то умаляет, – отнюдь. Степь – это другое. Она не умаляет. Она просто растворяет тебя в себе. Не помню, кто это сказал: «Если раздвинуть горизонт, одинокое дерево растворится». Здесь он раздвинут от края и до края. Здесь как-то сразу приходит охота по-стариковски перемолвиться словом с самим собой. И сразу становится понятно, что породило феномен акынства, – хочется слушать собственный голос, чтобы убедиться, что ты не растворился совсем в этой знойной бескрайности, что ты все еще здесь и что это все еще ты.

Лесистая ложбинка все тянулась и тянулась, а я все шла и шла вдоль нее, временами останавливаясь послушать, журчит ли ручей. Но ручей журчал, и ложбина убежала в степь. Но все кончается, и вскоре мне показалось, что я недалеко от истока, – ручей притих. Я снова стала спускаться со склона. Исток был перегорожен жердями –

чтобы скотина не лазила; здесь же была неизменная коновязь с ленточками и разноцветными платками.

Я умылась ледяной водой, и тут на меня накатилося стадо коров. Голов тридцать – не меньше. Коровы – каждая – сочли своим долгом подойти и перепуганно потащить на меня. После чего каждая шарахалась и, ломая кустарник и протрусив немного рысью, скрывалась в подлеске. Меня удивило, что они без пастуха. Коровы двинулись вниз по ручью. Ну а я, посидев немножко, отправилась домой – этот мини-поход и так занял больше времени, чем я предполагала.

Уже почти возле самого села мне навстречу попалась «нива» – парень спросил, не видала ли я коров. На вопрос «каких?» сказал, что штук двадцать и большинство черные. Я припомнила, что те, на ручье, вроде были другой масти – больше рыжие с белым, но на всякий случай показала ему свои фото, которые делала у истока. Коров парень не опознал и поехал дальше.

Я не очень удивилась, когда, вернувшись, увидела возле дома сэнсэя знакомую «ниву». Жаль было только, что к тому времени, как я пришла, сэнсэй уже закончил с камешками, так что мне не пришлось увидеть сам процесс.

Как только во дворе стало тихо, снова раздался знакомый писк и с коленей Будды снова спрыгнул белый комочек, который целенаправленно устремился к моим ногам.

Сэнсэй удивился:

– Ее ж не было, когда я пришел. Ох и хитра скотина, нашла защитника себе. Ладно, неси ее в дом...

Я нагрела воды и вымыла котенка в тазу. Блохи полезли во все стороны. Ушки – там шерстка реже – оказались совсем искусаны, и я решила потом обработать и голову, и ушки внутри и снаружи слабым раствором марганцовки. Котенок перенес все стоически.

«Хороший характер», – подумалось мне.

С марганцовкой я чутка переборщила, так что голова мокрой Ак (так мы решили назвать ее – по-тувински «белая») приобрела розовый оттенок и котенок чем-то отдаленно напоминал теперь попавшего под дождь панка.

Печка была натоплена, и это мокрое несчастье быстро отыскало самое теплое место. Правда, перед этим была помыта вторично, потому что умудрилась забраться в открытый зольник под печкой, где с розового поменяла цвет на черный. Конечно же, сразу было видно – это настоящий шаманский кот. Я постелила в обувную коробку свою майку, покормила котенка и устроила гнездо возле печки, где он и продрых чуть ли не сутки.

Тут сэнсэю вдруг пришло в голову, что неплохо бы придумать имя и мне.

– Э-э-э-э... так вроде есть же уже, – не поняла я.

Но сэнсэй сказал, что он о другом имени – шаманском. Тут я снова припомнила цитату о желтом одеянии, которое не имеет смысла надевать, если ты недостоин.

– Может, пока и так сойдет?

Но сэнсэй объяснил, зачем оно нужно именно сейчас, и я сдалась. Имя, как и все прочее, должно было помочь мне, как я поняла. Но это, конечно, если совсем просто объяснять. Сэнсэй думал-думал... и придумал. Думаю, чтобы я не забыла о том, что притащила на сэнсэеву голову кота в дом, частью имени стало слово «ак».

Однако же пришел вечер, и снова наступило время учебы. Тут сэнсэю как раз позвонила с просьбой о гадании одна женщина из Новосибирска. Я сидела, слушала и смотрела. Эта «сессия» оказалась настолько интересной, что я, пожалуй, напишу о ней отдельно.

Воистину, всегда не говори «всегда». Эта гадательная «сессия» была наглядной иллюстрацией майи в действии. Майя – это такая энергия, которая скрывает от челове-

ка истинную природу вещей и мешает нам видеть все таким, каково оно есть на самом деле. Это как в физике – нам только кажется, что мы видим объекты прочными и плотными, на деле же они все состоят из пустоты, а глазу видны только благодаря взаимодействию атомов между собой. «Майя» в переводе с санскрита буквально означает «божественная игра». Это своего рода трюк или ловушка из чувств, эмоций и желаний, созданных богами для всех живых существ на земле, чтобы они могли понять, что мир и все, что в нем, – ложно и нереально. Нереально оно не в том смысле, что ничего этого нет, а в том, что ничто не может существовать все время одинаковым. Все меняется всегда – каждый миг.

Все это, проще говоря, о том, что зашоренный человек, не могущий или просто не желающий избавиться от иллюзий, своими руками может превратить свою жизнь в ад или даже вовсе пустить под откос – тут никакие враги не нужны.

История была банальна, как апельсин. Женщина хотела отыскать своего пропавшего бывшего мужа, который еще во времена их семейной жизни набрал на ее имя кредитов. Теперь она отдувается перед банками в одиночку. Звонившая знала, что где-то у него есть то ли другая семья, то ли просто другая женщина, но больше ничего не знала о нем. И хотела узнать у сэнсэ, всплывает он или нет, чтобы хоть немного ей помочь финансово выплачивать все это. Любому стороннему человеку было ясно, что смывшийся муж, разумеется, не проявится, – не для того он смывался, собственно.

Но чем дальше я слушала, тем яснее мне становилось, что хочет она найти его вовсе не из-за этих кредитов. А просто хочет найти – вот и все. И конечно же, я увидела, что сэнсэю это тоже понятно.

Я задумалась. Почему люди с такой настойчивостью цепляются за то, что превращает их жизнь в муку? Что

ими движет? Страх. Они боятся. Однажды в йогашале Майсора йогин Джидду Кришнамурти сказал своей молоденькой ученице Женечке Лабунской, впоследствии знаменитой йогине Индре Дэви: «Ты хочешь знать причину своих страданий? Это страх. До тех пор, пока мы не станем свободными от страха, на какую бы высокую гору мы ни взобрались, какого бы бога мы ни выдумали, мы всегда будем пребывать во мраке».

Во мраке пребывать не так уж плохо – если сравнить не с чем и ты в принципе не знаешь, что такое свет дня. Я слушала это все с какой-то внутренней печалью. Потому что бывает так, что человек только сам себе помочь может, – и тысячи шаманов ничего не смогут сделать для тебя. Или ты собираешь все силы и выходишь из мрака – или нет. Это больно, потому что свет режет глаза с непривычки и ты ясно видишь теперь все.

Все же, бросая для нее хуваанок, сэнсэй проявил себя еще и хорошим психологом и психотерапевтом. Я уверилась, что уж точно теперь ей станет легче на душе – хоть на время.

Но мне стало совершенно понятно, что сэнсэй увидел там что-то, что не хочет говорить.

Он пояснил после:

– Тот мужик, скорее всего, или умер, или скоро умрет.

Я спросила у сэнсэя: должен ли шаман вообще говорить человеку о таком – если увидел? Допустим, ты ясно видишь, что «клиент» скоро умрет. Что тогда? Сэнсэй сказал, что есть такие шаманы, которые прямо говорят. Но он – он не говорит. Если можно предотвратить – можно и сказать. А если нет – то к чему человеку жить то небольшое время, что ему осталось, с ощущением неизбежного конца?

Разговор продолжился в ту же сторону – мне было интересно, должен ли у шамана быть какой-то кодекс поведения, что делать и говорить можно, а что нельзя?

И перед кем и как он держит ответ в случае «правонарушений» в шаманской сфере? Вот, к примеру, этично ли шаману озвучивать «прайс-лист» человеку, который заинтересован в проведении какого-либо обряда? Дают ли шаманы вообще какую-нибудь клятву, начиная свою деятельность, подобно врачам?

Ответы сэнсэя я решила позднее сделать частью своего интервью с ним, поэтому здесь писать об этом не стану. От «морального кодекса» шамана мы снова перешли к упражнениям с хувааноком. И на этом день седьмой как-то незаметно подошел к концу. Мы боялись, что котенок будет колобродить на новом месте, но, похоже, Ак уже признала дедушкин дом своим и мирно проспала в своей коробке у печки до самого утра. Восьмой день должен был стать моим последним на тувинской земле.

День восьмой, последний

Утро мы с сэнсэем начали с того, что снова сели в лужу с транспортом. Причем опять не по своей вине. Мы снова вызвали такси через одну из кызыльских компаний и снова оказались в пролете. В ответ на звонки следовало только бесконечное: «Ваша заявка передана водителю». И тут я вспомнила о давешнем пастухе с машиной, набрала ему, и – о чудо! – он нарисовался почти сразу. Утром Ак меня порадовала: без каких-либо проблем сходила в лоточек с землей – все-таки это точно был настоящий шаманский кот! Правда, перед этим пришлось ее немножко поучить: посадив туда, я долго скребла руками землю рядом с ней, как это делает кошка-мать, – чтобы дошло.

И вот спустя час мы уже въезжали в Кызыл, сэнсэй показал мне на въезде стройку – это наскоро заканчивали возведение новой ковид-больницы – как я поняла, стараниями все того же Шойгу.

План на день был такой: сперва мы планировали заехать к швее и забрать мой костюм, с которым сэнсэй обязательно хотел что-то эдакое проделать, прежде чем он улетит со мной в Москву. После я в качестве «стажера» должна была пронаблюдать, как сэнсэй очищает городскую квартиру – почему-то здесь говорят не «городская квартира», а «благоустроенная». Потом я хотела еще обязательно посмотреть местную шаманскую клинику, потому что быть в Кызыле и не увидеть ее – просто грешно.

У швеи на меня проворно надели костюм в «базовой комплектации», и они с сэнсэем просветили меня насчет прочего «обвеса», который мне предстояло сделать уже самой, – что желательно и допустимо, а что – нет. Собственно, меня интересовал только вопрос удобства и возможности надеть под костюм теплую одежду. Движений костюм не стеснял, что я проверила, несколько раз подняв руки над головой, взметнув бахрому и перепугав хозяйкиного кота. Нам налили по чашке чая.

Истинно, не знаю, о чем говорили люди в доковидную эпоху. Однако же в Кызыле теперь обсуждали еще одну новость – а именно появление на процессе актера Михаила Ефремова в Москве настоящего тувинского шамана. Мы с сэнсэем, конечно же, об этом ничего не знали – в деревне интернет не работал, а телек сэнсэй, слава богу, смотрел нечасто.

Мы отыскивали двухдневной давности новостные выпуски разных каналов на эту тему. И без труда узнали N-сэнсэя при полном параде – в костюме, с бубном и всем прочим. Пресса единодушно окрестила его «шаманом с магическим бубном». Надо сказать, компания, в которой он очутился, была странноватой – тут были марширующие по бульвару барабанщицы, черные маги и до кучи Никита Джигурда. Причем из всех меньше всего повезло

черным магам – половину из их «десанта» препроводили в автозак, и три черные жрицы в балахонах – одна с черной свечой в руках, а другая с книгой в черной обложке – неприкаянно слонялись по двору, жалуясь журналистам на несправедливость.

Какой-то тип без конца спрашивал Н-сэнсэя, зачем он вызвал дождь. Мы обеспокоились. Любому понятно, что процесс этот политический, хотя это и не снимает, конечно, вины с самого актера, по вине которого погиб человек. Я достаточно пожила в этой стране, чтобы испугаться за Н-сэнсэя, хотя в ответ на вопросы журналистов, его осаждавших, он высказался нейтрально.

Я задумалась. С одной стороны, конечно, шаман – часть социума, он живет среди людей; вне социума шаман вообще не имеет смысла. С другой – не должен ли «воин трех миров», который по определению видит больше и глубже других, оставаться в таких вопросах немного «над схваткой» и держаться от политики подальше? Понемногу разговор перешел на приснопамятного Габышева. И, наверное, мы проговорили бы еще долго, но нужно было отправляться дальше. Дорогой я все думала, не будет ли это все иметь какие-либо нехорошие последствия для Н-сэнсэя.

Впихнувшись в пазик – такие по нашим улицам давно уже не бегают, – мы с сэнсэем выгрузились в одном из спальных районов. Даже в такой ярко-солнечный день золотой тувинской осени застройка рождала тоску. И я поностальгировала по 90-м, увидав то, что в те времена звалось коммерческим киоском, или «комком», – та самая будочка, забранная решетками. Впрочем, года три назад мне привелось натолкнуться на похожую в подмосковном Ногинске.

Минуя детскую площадку, я искренне напугалась, увидав деревянную раскрашенную русалку, и порадова-

лась, что не натолкнулась на нее в сумерках. Поверьте мне – это было страшно. А проходя двором, на одном из гаражей мы прочли эмоциональный призыв масляной краской: «Ты же так умрешь, остановись!» На этой оптимистической ноте мы пошагали в темный подъезд.

Квартиру нужно было очищать для молодой девушки с ребенком. Здесь встречаются неожиданные фенотипы, как я заметила: девушка была вылитая японка. Хотя квартира была съемная, перебралась она сюда недавно и вот хотела очистить, потому что что-то у нее не ладилось.

Комнаты обжитые, аккуратные, чувствовалась во всем заботливая женская рука. За чаем с лепешками (не в обиду сэнсэю будь сказано, но его лепешкам было до этих далеко) выяснилось, что отец ребенка на ней жениться не захотел. Спросить, помогает ли он, бывает ли, мне было, конечно, неудобно. Но по тому, как отреагировала девочка на сэнсэя (молодая женщина пояснила, что мужчин в доме она видит редко и потому боится), стало ясно, что, скорее всего, не бывает. Снова и снова оглядывая уютную квартирку и милую улыбчивую хозяйку, я думала о том, какого же рожна нужно некоторым мужикам. Однако же не дело шамана давать оценки, судить и рядить, и следовало заняться делом.

Костер все же понадобился – мы его развели на пустыре за городом, куда добирались на такси минут пятнадцать. Дорогой я думала о том, что вот же – ведь и я, и сэнсэй тоже, получается, безотцовщины. Сэнсэев отец слинял от его матери, бросив шесть человек детей. Сэнсэй вспоминал, как иногда, бывая в их селе (отец смылся к женщине, которая жила в деревне неподалеку), его родители давали им с братом деньги и они единодушно выбрасывали их в овраг за домом (правда, потом выяснилось, что хитрый брат только делал вид, а на самом деле втихаря покупал потом себе сладости и объедался).

И все же снова и снова мужчины бросают своих детей.

«Наверное, шаман должен понимать, что природа человеческая всегда одинаковая, – подумалось мне. – Так же, как этот день только кажется новым. А на самом деле ты не знаешь, из какого заглавника боги достали его, аккуратно сняв с него обертку из газеты, в которой он лежал на всякий случай, пересыпанный табаком, чтобы выпустить на волю...»

Не знаю, в чем тут было дело, то ли в этих мыслях, которые текли как-то сами по себе, то ли в какой-то неуютности, что ощущалась здесь, на знойном пустыре, но, глядя на пламя костра, я впервые не ощутила того покоя, который всегда вселяет в меня горящий огонь. А наоборот – тревогу и даже какую-то подспудную тоску – настолько, что стало вдруг тяжело дышать. Поскольку костер был для этой милой девушки – вывод напрашивался сам собой. Впрочем, возможно, это только мне показалось? Когда костер прогорел, я не выдержала и сказала об этом сэнсэю, пока девушка отошла в сторонку поговорить с кем-то по телефону.

– Сэнсэй, что-то не то или мне кажется? Как будто беда будет. Костер...

– Да, я видел, – сказал сэнсэй. – Ничего, мы еще поступим там, в доме, поглядим еще.

Это был первый раз, когда сэнсэй запретил мне ходить с ним туда, где он проводил завершающий этап этой части обряда – оставление всего плохого. Девушке он тоже велел ждать у машины.

До меня вдруг дошло, что все эти дни дедушка как-то незаметно оберегал меня, – должно быть, и его запасной костюм тоже был вечером второго дня повешен над моей кроватью не случайно. Сэнсэй плотно всякий раз велел закрывать мне на ночь шторы и что-то такое странное делал с едой – если я что-то оставляла на тарелке.

С водой, которой я мылась, тоже следовало поступать особым образом. Видимо, мое положение было особенно уязвимым сейчас. После того как меня скрючило ночью после обряда на Торе-Холь, сэнсэй снял со своего запястья браслет из красных бусин и надел мне на левую руку. Он и сейчас там... Мне подумалось, что иметь ученика для шамана-сэнсэя – это сплошная головная боль: мало того, что не умеет ничего, так его еще и защищать надо. И, вероятно, за ошибки ученика, как водится, отвечает учитель – перед теми, перед кем должен отвечать.

Однако же мы вернулись в город, где продолжили уже в квартире. Мы с девушкой боялись, что ребенок напугается бубна, и заранее запаслись игрушками, чтобы успокаивать, однако вид сэнсэя в костюме с колокольчиками произвел на девочку просто завораживающее впечатление. А увидав бубен с привязанными к нему разноцветными ленточками, она пришла в полный восторг. Великодушно сложив мне на колени все игрушки, она радостно визжала всякий раз, когда сэнсэй со звоном и грохотом появлялся в поле ее зрения, – явно решила, что это игра такая.

Сэнсэй вдруг прервался, позвал девушку на кухню и попросил показать ему все ножи, какие есть в доме. Ножей было четыре; оглядев их, сэнсэй, видимо, не нашел того, что искал, и категорически заявил, что где-то есть еще. И точно – в нижнем ящике отыскались два ножа, которыми, видно, пользовались редко. Оказалось, что именно эти два уже были в квартире, когда девушка въехала сюда, и пользовалась она ими только поначалу, пока не купила новые. Эти ножи сэнсэй завернул в бумагу и забрал с собой, сказав, что сам их выкинет потом.

Однако же нам нужно было двигаться дальше, и, поймав машину, мы отправились в шаманскую клинику.

Прежде чем приступить к рассказу о шаманской клинике, нужно дать небольшой экскурс в историю кызылских

шаманских обществ вообще. Все знают, что столица нашей родины – Москва. Однако же шаманская столица России – это, конечно же, Кызыл. Я долго расспрашивала об этих обществах сэнсэя, силясь понять «расстановку сил».

Первое, с легкой руки этнографа, собирателя и гуру Кенин-Лопсана, образовалось в 1993 году и называлось «Дунгур» («Бубен»). Из него впоследствии выделилось другое – «Тос Дээр» («Девять Небес»). По состоянию на 2017 год таких обществ было официально зарегистрировано семь. Однако же в настоящее время шаманская клиника есть только у общества «Адыг Ээрен» – «Дух Медведя». Возглавляет ее Верховный шаман Республики Тува, чья личность, как я поняла, вызывает массу вопросов у тех шаманов, которые состоят в других организациях или просто существуют сами по себе.

Как водится, «Медведь» утверждает, что у истоков его стоял все тот же гуру Кенин-Лопсан. Кое-кто говорил мне, в частности, что Верховному шаману – еще в бытность свою просто шаманом – повезло вылечить от тяжелой болезни кого-то из власть предержащих Тувы – после чего и посыпались «сверху» блага, позволившие и клинику открыть. Не берусь утверждать, правда это или нет. Словом, все и всегда одно и то же – был бы гуру, а уж вокруг его имени мигом вырастут школы и направления, каждое из которых будет претендовать на «первородство».

Все шаманские общества выдают своим членам удостоверения – я видела несколько таких, и они вызывали мой живой интерес. Всегда казалось любопытным, на основании каких критериев их выдают, и было занятно, как они помогают владельцам в их деятельности. Неужто «туда» уже не попадешь без документов? Вот же дожили.

Я представила: приходит специалист в верхний мир или нижний, а ему там: «А ну-ка, гражданин, предъяви-

те... А где отметка о прохождении квалификационного экзамена раз в пять лет? А где техосмотр вашего транспортного средства и страховка за этот год? А справка на антитела?! А маска и перчатки? А медицинский полис? А справка о доходах?! А ИНН?! В смысле – нету? А это кто? Ах, ваши духи... А почему не вписаны? Они у вас совершеннолетние? Откуда я знаю, по ним как поймешь?.. Вот анкета, изложите цель визита и данные о доходах за последний год. Вот здесь, в графе, перечислите духов. И маски наденьте на них, я же не знаю, где они у вас болтались... Они, кстати, где прописаны? Ах во-от оно как. Тогда где разрешение на временное проживание для нерезидентов? Отметка о регистрации где? Вы издеваетесь, что ли?..

Вот сюда паспортные данные с пропиской впишите. Один экземпляр вам... Гражданин, вы вроде из срединного мира, а как с луны упали сюда, честное слово!..»

Но вернемся в день восьмой.

Оговорюсь только, что мой сэнсэй к «Духу Медведя» никакого отношения не имел. Он настоял, что пойдет со мной, потому что «мало ли что». В клинику планировалось заглянуть, просто приняв вид праздных туристов. Чехол с бубном сэнсэй перед тем предусмотрительно на время отдал дочери. Шаманская лечебница располагалась в частном секторе, стиснутая с двух сторон улицами Комсомольской и Интернациональной, что показалось мне забавным. По погожей погоде клиенты – две средних лет женщины – ждали на лавочке под навесом. Вывеска на трех языках гласила, что мы вступаем на территорию управления Верховного шамана.

Стены помещения изнутри были выкрашены синей краской, что не придавало ему уюта. Таблички на дверях делали клинику немного похожей на заводской партком времен Союза – только без обязательного портрета Ле-

нина, стенгазеты и лозунгов, призывающих крепить единство и выше держать знамя. Вместо них висели картины на шаманскую тематику – выполненные довольно хорошо. Мы с видом праздных зевак слонялись по коридору, читая таблички на дверях, когда дверь одного из кабинетов вдруг с треском распахнулась. Мы с сэнсэем прижались к стенам коридорчика, и в клубах можжевельного дыма, грохоча бубном, мимо нас пронесся к выходу шаман при всех «регалиях». Бубен загрохотал где-то во дворе. А нас взяла в оборот женщина-администратор. Все это время она не сводила с нас строгого взгляда, и мне стало ясно, что праздными зеваками остаться не выйдет. Я заявила, что хочу погадать на хувааноке. Нам был озвучен прайс, и меня провели в кабинет.

Женщина-шаман представилась как Серафима (это имя показалось мне странным для тувинской шаманки) и попросила меня в особую тетрадь записать свои ФИО и год рождения, что я и сделала. Сэнсэя попытались оставить за дверями, но мы оба категорически заявили, что «мы вдвоем». Мы с интересом следили за процессом гадания, и я попросила разрешения сфотографировать рабочий стол шаманки и ее саму. Насчет правильности гадания не знаю – время покажет. После Серафима настояла на том, чтобы очистить меня при помощи дыма и хитрого жезла с погремушками. Попросила снять маску. И даже потом разрешила себя сфотографировать на фоне шаманской картины в коридоре.

Темнота начала стремительно падать на Кызыл – ощущался конец сентября. Ну а мы с сэнсэем отправились на мою проверенную базу – в «Монгулек». Здесь неожиданно выяснилось, что гостиница ожила и все номера с душем заняты – в отель в большом количестве въехали какие-то военные. Как я поняла, здесь часто проводят всякие учения. Я поселилась в простец-

ком номере третьего этажа – не все ли равно, ведь мне предстояло провести здесь всего одну ночь. Из военных на номера без душа никто не польстился, и этаж был тих и пустынен. Отсюда наши с сэнсэем пути должны были разойтись.

Перед тем как нам проститься, сэнсэй заявил, что должен проделать кое-что с костюмом. Его беспокоило только то, не сработают ли датчики дыма, но я, оглядев потолок, сказала, что тут таких инноваций не водится. Все же, чтобы не слишком надымить в номере можжевельником, решено было выйти на балкон и проделать все там. После я проводила сэнсэя до машины: он планировал доехать на ней до рынка, а там попробовать поискать кого-то, кто отвезет его до села. Памятуя свой опыт добиралова из Кызыла в деревню, я беспокоилась, как у него это получится. Однако дедушка заверил, что все будет путем, мы обнялись и расстались.

Я вернулась в номер, где сбросила ботинки, села на кровать и закрыла лицо руками. Попыталась представить, что завтра в это время буду в Москве. И не смогла. Она вообще-то есть – Москва? Что-нибудь вообще есть? Мелькнула шальная мысль: может, раз там ничего нет, то и возвращаться не нужно в то, что было, и можно остаться? И мне разрешат?.. Я совсем перестала понимать, в какую, в чью жизнь я должна обратно вжиться, когда завтра сядет в Домодедово мой самолет. У меня были только какие-то ориентиры, опорные сигналы, чтобы где-то как-то я вспомнила что-то о себе – той. Как Даг Куэйд из «Вспомнить все», который летел на Марс, чтобы найти там себя прежнего. Но разве в одну реку дважды входят? Шаманы знают, что в реку и один-то раз не войдешь. Но, в конце концов, ты никакой не шаман, если не усвоил: делать нужно то, что должен... Я собрала рюкзак и поставила его к двери.

Как говаривал Каа у Киплинга, «нелегко сбрасывать кожу». Я решила, что «вспомню все» завтра. Но не раньше, чем сядет самолет. Не раньше. А сейчас не буду. Вот хрена им. Я улеглась, положила поверх одеяла свой пропахший дымом костюм (хотя и не была уверена, что так можно) и сказала ему:

– Ну что, поехали?

Когда назавтра самолет коснулся полосы и, переваливаясь с боку на бок, стал гасить разгон, я в последний раз закрыла глаза и попыталась представить, как это было, когда я растворялась в том белом степном небе. И подумала: «Как все же хорошо, что теперь я ношу его с собой».